

INSPIRIA

«Великолепная утонченность повествования».

L'Hebdomadaire d'Armor

ФРАНСУАЗА
БУРДЕН

Обещание океана

История любви двух
отчаявшихся людей,
которые боялись
любить.

INSPIRIA

Novel. Чистая эмоция. Романы Франсуазы Бурден

Франсуаза Бурден
Обещание океана

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Бурден Ф.

Обещание океана / Ф. Бурден — «Эксмо», 2014 — (Novel.
Чистая эмоция. Романы Франсуазы Бурден)

ISBN 978-5-04-115465-3

Франсуаза Бурден — одна из ведущих авторов европейского «эмоционального романа». Во Франции ее книги разошлись общим тиражом более 8 млн экземпляров. «Le Figaro» охарактеризовала Франсуазу Бурден как одного из шести популярнейших авторов страны. В мире романы Франсуазы представлены на 15 иностранных языках. О чем же ее роман «Обещание океана»? Маэ приходится взять на себя семейный бизнес – управление рыболовной компанией. Ей удастся завоевать авторитет у моряков, но работа оказывается настолько изматывающей, что ни на что другое времени не остается. Личная жизнь и вовсе под запретом - у Маэ и так слишком много проблем из-за мужчин. Когда-то она любила молодого моряка Ивона, но за несколько дней до свадьбы во время шторма он погиб. За первым ударом последовал второй: Маэ узнала, что Ивон ее обманывал. Чтобы вновь раскрыть сердце, Маэ надо забыть о том, что нельзя никому верить. Но это не так-то просто, когда грозовой тучей над ней нависает еще одна тайна. «Великолепная утонченность повествования». L'Hebdomadaire d'Armor История любви двух отчаявшихся людей, которые боялись любить.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-115465-3

© Бурден Ф., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

1	7
2	20
3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Франсуаза Бурден

Обещание океана

Посвящаю моей Низи́ с искренней любовью

Françoise Bourdin

La Promesse de l'océan

Copyright © Belfond, un département de Place des Editeurs, 2014

© Рац Ю., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

1

Маэ вцепилась в руку стоматолога, но не смогла сказать ни слова – она не чувствовала ни губы, ни щеку. Зато ее отпустила ноющая боль, которая не давала спать полночи. Она вернулась к своему старому пикапу, припаркованному недалеко от кабинета врача, и рванула с места так, что взвизгнули покрышки. В машине отчетливо пахло рыбой, но ее не раздражал этот запах. Он был неотъемлемой частью всех автомобилей ее семьи, и когда она еще в детстве однажды фыркнула по этому поводу, родители расхохотались и объяснили ей, что рыбный промысел кормит их всех.

Маэ покинула площадь Мартрэ с ее фахверковыми домами, проехала Ламбаль и направилась в Валь-Андре¹. Сезон ловли морского гребешка, который продолжается с октября по апрель, должен был вот-вот начаться. В это время с побережья как раз уедут последние туристы, и скоро оно вновь будет принадлежать бретонцам. Накануне Маэ провела весь день с моряками своей маленькой флотилии, обсуждая график выхода судов. Хотя у нее был диплом и предпринимателя, и капитана рыболовного судна, она предпочитала оставаться на берегу и заниматься делами своей компании. Отец полностью передал управление Маэ; и моряки хорошо ее приняли, поскольку все предшествующие годы она выходила на рыбалку вместе с ними, а еще потому, что она была дочерью Эрвана Ландрие. Когда его разбил инсульт, моряки сочли вполне естественным то, что Маэ взяла дело в свои руки. Ни один из них не высказал недовольства тем, что теперь у руля окажется девушка, в этой среде солидарность была сильнее мачизма. Однако Маэ отнюдь не была наивной и прекрасно понимала, что те, кто на нее работал, просто не могли себе позволить покупку собственного траулера и поэтому рассчитывали только на жалованье в конце месяца. Свои суда Маэ содержала в порядке, платила страховым компаниям, занималась всеми административными вопросами и строго следила за соблюдением законодательства. Благодаря этому моряки выходили в море со спокойной душой и могли думать только о рыбалке. Конечно, солидная репутация, заработанная Эрваном, служила теперь его дочери. Он сумел вовремя сориентироваться и расширил свое дело, добавив к имеющимся судам для прибрежного сбора моллюсков два траулера для дальнего плавания. Когда в заливе кончался сезон ловли морских гребешков, моряки выходили в открытое море за морским языком, камбалой, окунем, налимом или барабулькой.

До того, как инсульт выбил отца Маэ из строя, она целые сезоны проводила на кораблях Ландрие. Она умела чинить драгу и траловую сеть, держать руль в штормовую погоду, прикидывать вес улова, только взглянув на извивающихся посреди палубы рыб. С того времени у нее еще сохранились мальчишеские манеры, но теперь, перестав выходить с моряками в море, девушка старалась следить за внешностью. Она слегка отрастила свои каштановые волосы, и теперь, с челкой и градуированным каре, выглядела более женственной, а сдержанный макияж подчеркивал сине-зеленый цвет ее глаз, напоминающий воды Ла-Манша в ясный день. От джинсов ей так и не удалось отказаться, но она дополняла их белыми блузками и элегантными пиджаками, а зимой стала носить ботильоны на каблуках. Однако, хотя она перестала чертыхаться и пить пиво прямо из бутылки, ее упрямство и вспыльчивость никуда не делись.

Перед деревней Сен-Альбан Маэ повернула направо, к порту Эрки². Она была очень горда тем, что в порту ее родного города на аукционах ежегодно продается больше десяти тысяч тонн рыбы и моллюсков. Впрочем, теперь это называлось «рынок морепродуктов». За несколько лет все так изменилось! Квоты, сроки, рыбалка группой траулеров. Незадолго до болезни Эрвану уже было трудно в этом разобраться, и он без конца ругался. В конце кон-

¹ Ламбаль, Валь-Андре – коммуны в регионе Бретань.

² Эрки – коммуна в Бретани на северо-западе Франции.

цов он предоставил все решать Маэ. С трудом разговаривая и передвигаясь, он ожесточился на весь свет и, едва перешагнув семидесятилетний рубеж, считал себя конченным человеком. «Сдай меня в казенный дом!» – повторял он дочери, делано сокрушаясь. Какой дом он имел в виду? Отдыха? Для престарелых? Для слабоумных? Но он вовсе не был слабоумным. Зато часто склочничал и легко поддавался приступам ярости. Маэ стойко держалась, да у нее и не было другого выхода. Совместный быт с отцом то и дело выводил ее из равновесия, но она продолжала руководить компанией.

Присутствие в доме вечно раздраженного отца и семейное дело, которое не давало никаких передышек, почти не оставляли Маэ шансов на личную жизнь. Ее это даже не расстраивало – она еще не оправилась от потери своего жениха. Ей больше не хотелось думать об этом, но по ночам ее часто мучили кошмары.

Маэ представляла себе бушующее море в ночном мраке, ледяной холод, который охватил упавшего за борт Ивона, его смертный ужас, его крики, уносимые ветром. Панику моряков на борту. Спасательные круги на воде, лучи прожекторов. Только что мог различить Ивон в этом хаосе? Наверное, он отчаянно боролся, захлебываясь в волнах, обрушивающихся на него. А потом наступала мучительная смерть, и его тело медленно опускалось на дно. Маэ снова видела, как траулер входит в порт. Получив утром сообщение по радиации, она ждала на набережной, стуча зубами от холода и захлебываясь от рыданий. Шел дождь, под ледяным шквалом качались стоявшие на якоре корабли. Траулер наконец подошел к причалу и пришвартовался. Она увидела лицо отца, искаженное горем и чувством вины. За его спиной, опустив головы, молча крепили тросы двое моряков. Появился представитель капитана порта в сопровождении двух жандармов. Эрван рассказал, что несчастье произошло, когда он резко повернул штурвал, чтобы подняться на волну. Может быть, он сделал это слишком быстро и не успел предупредить о своем маневре. А Ивон, как и большинство моряков на рыболовных судах, никогда не надевал страховочный пояс, даже в шторм. Океан сомкнулся над ним. Его тело так и не нашли, и он считался пропавшим без вести. Отпевание проходило в отсутствии гроба; перед порталом церкви душераздирающе выли волюнки бретонского оркестра. Маэ казалось, что она умрет от отчаяния. Пока эта женщина не подошла к ней и не разрушила ее самые прекрасные воспоминания, бросив ей в лицо чудовищные слова...

Она резко затормозила у дома из розового песчаника. Этот узкий дом с шиферной двускатной крышей и мансардой, стоящий вплотную к скале, был похож на большинство строений на побережье. Для Эрвана он символизировал начало его успеха: он переехал сюда из рыбацкой лачуги. Позднее он мог позволить себе и более просторное жилище, но у него не было никакого желания что-то менять. Эти стены еще помнили его жену и то счастливое время. Душа Анник жила в фаянсовых тарелках Кемпера с изображениями персонажей бретонских легенд, в нескольких книгах, стоявших на полке, в семействе медных кастрюль, висевших на стене в кухне и давно потускневших, потому что Маэ никогда не начищала их до блеска; в вышитом вручную покрывале, которым Эрван всегда застилал свою кровать. Он упорно держался за все эти предметы, чтобы они напоминали ему о жене. Он увяз в прошлом и не желал себе в этом признаваться.

Пройдя мимо фасада, Маэ завернула за угол. В боковой части дома, окруженного небольшим садом, был устроен офис компании с отдельным входом. Во времена Эрвана это была просто комната, в которой царил жуткий кавардак, но Маэ без всякого сожаления выкинула старый хлам, когда решила возглавить компанию. Во время длительного пребывания отца в больнице после инсульта врачи давали пессимистичные прогнозы. По их словам, Эрван плохо восстанавливался, и поэтому болезнь будет напоминать о себе осложнениями: его речь и двигательная способность уже никогда не будут прежними. Маэ без колебаний заняла его место, ведь от этого зависело, выживет ли их рыболовное предприятие. Вернувшись домой, отец согла-

сился отдать ей бразды правления, и с тех пор оставил ее в покое, почти не появляясь в своем прежнем офисе, в котором теперь чувствовал себя неуютно.

Маэ села за письменный стол из темного дерева и первым делом прослушала по радио сводку погоды. Зуб больше не болел, но действие анестезии закончилось, и начало покалывать в щеке. Она решила, что врач хорошо сделал свою работу, и ей, пожалуй, будет стыдно из трусости отменять следующий прием. Как большинство людей, она смертельно боялась стоматологов и ненавидела зубо врачебное кресло.

– А, ты дома, – заметил Эрван и переступил порог, тяжело опираясь на палку.

Он вернулся со своей ежедневной прогулки. С глубоко надвинутой на глаза фуражкой и неизменным дождевиком с капюшоном он выглядел как карикатура на бывалого моряка, потрепанного штормами. Однако он не играл ни в бретонца, ни в морского волка – в душе он и был ими и мог гордиться тем, что первым из шести поколений рыбаков выбился из нищеты.

– Я составляю график на ближайшие дни, – сказала Маэ, улыбаясь.

Она всегда старалась быть приветливой с отцом, хотя из-за своего нетерпения часто выходила из себя, когда ей приходилось несколько раз повторять одно и то же.

– Ты сняла мои фотографии?

С недовольным видом он оглядывал стену за ее спиной.

– Они пожелтели, папа. Но я их сохранила, можешь посмотреть...

– Все-таки это мои траулеры, – проворчал он.

– У них корпуса уже давно изъедены червями, и у нас есть другие, более достойные для демонстрации. Мастер сейчас делает багет для больших фотографий «Жабадао», «Корригана» и «Там бары», они будут готовы на следующей неделе. Они очень красивые, вот увидишь!

Маэ начала с того, что сфотографировала свои экипажи – от капитанов и помощников капитанов до матросов – на фоне порта Эрки. Этот снимок теперь висел над углом длинного стола. На полках, до которых можно было дотянуться рукой, не вставая, теснились кожаные папки, снабженные этикетками с названиями судов и именами моряков.

На столе перед ней стоял компьютер, который она никогда не выключала. Маэ не отказывалась от практики прошлых лет, но приняла на вооружение более современные и удобные методы управления предприятием. Эрван наблюдал за ее действиями со смесью гордости и раздражения. Он был доволен, что она приняла у него эстафету, но его беспокоило стремление дочери расширять дело. Когда год назад она приобрела «Жабадао», он решил, что она идет на чрезмерный риск. Он собирался объяснить ей, что надо бы умерить аппетиты, однако в тот сезон моряки возвращались с такими фантастическими уловами, что он промолчал. Тем более, это судно, купленное по случаю, крепкое и в очень хорошем состоянии, Маэ доверила их лучшему капитану – Жану-Мари, и здесь тоже возразить было нечего.

– Я проголодался, – объявил Эрван. – Мы скоро будем есть?

Он считал более или менее естественным то, что его дочь – глава предприятия, однако это не освобождало ее от обязанности заниматься хозяйством. После смерти Анник она взяла бразды правления в свои руки, и он не видел никаких причин что-то менять.

– Через полчаса, ладно? – ответила Маэ. – Я еще не закончила.

Недовольно ворча, Эрван вышел, с трудом переставляя непослушные после инсульта ноги. Координация движений у него совсем разладилась, он постоянно натыкался на мебель и опрокидывал мелкие предметы. Маэ вздохнула, когда дверь за ним закрылась. В тридцать лет не стоит жить с отцом, но она все не решалась оставить его одного. Ей очень хотелось обзавестись собственной квартирой, а еще лучше – маленьким рыбацким домиком, который принадлежал бы ей одной, чтобы она могла обустроить его по своему вкусу. Жить независимо, принимать гостей и искать родственную душу, с которой можно обсуждать до утра мировые проблемы. Но она застряла здесь, в этом доме – где родилась, выросла и потеряла мать, едва отметив тринадцатилетие. Конечно, Эрван ни в чем ей не отказывал. «Если хочешь позвать

своих друзей – давай, я вам не помешаю, буду тише воды ниже травы». «Тише воды»? Эрван был на это просто неспособен! К тому же она не представляла, как отправить его сидеть в своей комнате, в его же собственном доме. Поэтому она устраивала для приятелей ужины в ресторанах или блинных на Портовой улице.

Маэ ввела в компьютер последние цифры и с глубоким вздохом потянулась. В отличие от матери, она не обладала кулинарными способностями и поэтому часто ограничивалась тем, что разогревала на сковородке или в духовке готовую замороженную рыбу. Еще она умела печь пшеничные лепешки, добавляя в них все, что было под рукой. Эрван ворчал, с сожалением вспоминая таланты Анник, но все равно ел с большим аппетитом.

Маэ сохранила данные и сразу встала из-за стола. После обеда она собиралась выйти на яхте со своей подругой Армель. Всего на несколько часов, чтобы подышать морским воздухом, пока еще стоят тихие, солнечные дни. Ей нечасто удавалось ходить под парусом, и она хотела воспользоваться передышкой. Как только начнется сезон сбора моллюсков, она уйдет в работу с головой и уже не сможет порулить яхтой. Маэ решила, что закажет еду и они с отцом вполне удовольствуются блинами с сыром и ветчиной.

* * *

Жан-Мари почти закончил тщательный осмотр «Жабадао» и, выйдя на причал, позволил себе закурить сигарету. Когда Маэ купила это судно, он влюбился в него с первого взгляда – точно так же, как когда-то влюбился в Маэ. Но если своей любви к «Жабадао» он не скрывал, то перед этой молодой женщиной становился немым. И не только потому, что был ее подчиненным. На самом деле он уже давно подпал под обаяние Маэ, еще в то время, когда Эрван нанял его юнгой. Но тогда она, увы, смотрела только на Ивона, с которым потом обручилась. Жану-Мари пришлось подавить свои чувства и поневоле стать свидетелем подготовки к их свадьбе. Он старался не выходить в море в одну смену с молодым человеком, потому что не мог сдерживать ревность, но, к несчастью, в ту ночь, когда произошла трагедия, они находились на одном судне.

Потеряв равновесие во время резкого маневра Эрвана, он тоже чуть не упал в воду. Но он был привязан тросом и видел, как Ивона швырнуло за борт. В последующие часы, несмотря на шторм, они оставались на месте, описывая круги. В свете прожекторов моряки тщетно вглядывались в воду и совершенно измучились, окликая Ивона, пока вокруг них бесновались огромные волны. Они оставили свои попытки, только когда судно чуть не опрокинулось. На всю жизнь Жан-Мари запомнил крик Эрвана по радиосвязи, его срывающийся голос. Тогда же он впервые заболел: его рвало желчью, которую волны, захлестывающие палубу, мгновенно смывали. Он чувствовал вину за то, что ревновал к Ивону, и отчаяние от того, что не смог его спасти. Всю обратную дорогу в порт мысли моряков были только об Ивоне. А потом Эрван стал повторять все тем же срывающимся голосом: «Боже мой! Моя дочь!» – пока Жан-Мари и другой моряк подавленно молчали.

Он раздавил сигарету и сделал несколько шагов. Было еще по-летнему тепло, но в эти первые дни октября большинство туристов уже уехали, и Эрки снова становился просто рыболовным портом. Жан-Мари остановился и обернулся назад, чтобы полюбоваться на «Жабадао» издали. Когда Маэ доверила ему судно, он испытал к ней горячую благодарность. На борту этого глубоководного траулера он мог выходить в открытое море и ловить сибаса и мерланга на пятидесятиметровой глубине. Он всегда просил, чтобы вместе с ним отправляли маленького Кристофа – парень отличался способностями в поиске косяков рыб и к двадцати годам уже стал очень хорошим моряком. Он тоже обожал «Жабадао» и даже разговаривал с ним, а по возвращении в порт заботливо подкрашивал его борта. Иногда он вставал на мостике и, громко

напевая, приплясывал и притоптывал, изображая танец «Жабадао» – что-то вроде бретонской джиги.

Жану-Мари вдруг захотелось кофе, и он повернул на улицу с закусочными. По дороге ему встретились две молодые женщины в шортах, подчеркивающих их загорелые ноги. Сезон заканчивался, они явно были одними из последних курортниц. Проходя мимо и держась рука об руку, они улынулись ему. Он знал, что девушкам нравится его спортивная фигура, выразительное лицо и черные глаза, но почти не пользовался этим. Его сердце принадлежало Маэ. После гибели Ивона он долго ждал, надеясь, что ее горе понемногу утихнет. Прошел год, за ним – другой, за это время он сдал экзамен и получил диплом капитана рыболовного судна. Он часто интересовался у Эрвана его дочерью, но тот вместо ответа бросал на него такой угрюмый взгляд, что отбивал всякое желание продолжать расспросы. В начале каждого месяца Жан-Мари давал себе обещание перестать робеть и пригласить, наконец, Маэ на бокал вина или на ужин, но месяц проходил, а он так и не мог набраться храбрости. Ему не хотелось, чтобы это выглядело как обхаживание дочки патрона, к тому же, когда она оказывалась рядом, он буквально язык проглатывал. Сезоны рыбной ловли следовали один за другим; потом Маэ стала его начальницей, но это ничего не изменило. Тем более, она его ценила и считала другом, полностью доверяя ему в деле. Вот так, зная ее уже десять лет, Жан-Мари не продвинулся ни на шаг. Он твердил себе, что кто-нибудь другой на его месте не мучился бы сомнениями, что однажды она влюбится в какого-нибудь более предприимчивого мужчину, – но ничего не помогало. Она не подавала ему никаких знаков благосклонности, а он не осмеливался сделать первый шаг.

Жан-Мари сел на террасе, заказал кофе и закурил новую сигарету. Сейчас он встречался без всяких обязательств с очаровательной девушкой – впрочем, как и с другими до нее. Сколько еще он сможет продолжать в том же духе? Он хотел иметь семью, но для этого нужно было забыть Маэ. Или решиться поговорить с ней, но он боялся краха собственных иллюзий.

Над портом с пронзительными криками привычно носились чайки. Жан-Мари рассеянно следил за их кружением. Море по-прежнему оставалось для него лучшим лекарством: за штурвалом «Жабадао» он думал только о рыбалке. Да и вообще, он обожал свою профессию и не променял бы ее ни на какую другую.

* * *

– Пломба в моляре – это как клин, вбитый в бревно: чем больше вы жуete, тем глубже ее загоняете, пока зуб не расколется.

Маэ зачарованно смотрела на экран с панорамным видом ее челюсти.

– Полагаю, самым правильным решением будет коронка, – заключил доктор Алан Кергелен.

– И, наверное, самым дорогим?

Он повернулся к ней, снисходительно улыбаясь:

– В вашем возрасте, мадемуазель Ландрие, оно того стоит. У вас больше нет никаких проблем, ваш зубной ряд безупречен. И если бы вы вовремя вылечили кариес...

– Я боялась.

– Чего? Сейчас не Средневековье, я не пытаю пациентов клещами!

Он отвел монитор в сторону, чтобы она могла встать с кресла.

– Эта коронка потребует много визитов?

– Несколько.

Маэ подошла вслед за ним к письменному столу и села напротив.

– Я думала, что мы закончили в прошлый раз, – со вздохом произнесла она.

– В прошлый раз я только прочистил канал, удалил нерв и положил лекарство. Зуб мертвый, оставлять его так нельзя, его нужно закрыть.

Кончиками пальцев он нетерпеливо постукивал по столу, ожидая ее решения. Смирившись, она достала из сумки записную книжку.

– Ладно, назначайте день. Только, прошу учесть, я довольно занята!

– Я тоже, – ответил врач, не скрывая раздражения. – Четверг, в три?

Она коротко кивнула и записала дату. Назначив ей два следующих визита с интервалом в несколько дней, доктор встал, чтобы проводить ее к выходу. В этот раз он показался Маэ гораздо менее симпатичным, чем в прошлый, и она чувствовала себя не в своей тарелке. Должно быть, вид у нее был очень обескураженный, потому что, открывая перед ней дверь, он предложил:

– Хотите, я сделаю вам предварительный расчет? Тогда вы сможете платить частями.

– Спасибо, но в этом нет необходимости. Просто скажите мне примерную сумму.

– Примерную сумму? – повторил он недоверчиво.

И расхохотался, качая головой.

– Я приготовлю к четвергу детальный счет.

Доктор Кергелен смотрел ей вслед, когда она уходила под мелким дождем, так называемой «бретонской изморосью», от которой асфальт блестел, как зеркало. Он закрыл дверь, и его губы дрогнули в усталой улыбке. Обосновавшись пять лет назад в Ламбале, он надеялся, что начнет здесь практику с нуля и будет жить тихо-спокойно, но он сильно ошибся. Его давнишние пациенты из Сен-Брие очень обрадовались его возвращению, несмотря на долгое отсутствие, и народная молва быстро сделала свое дело. Зато теперь он был занят все дни напролет и почти не вспоминал о своей прошлой жизни. Возвращаясь вечером домой, он хоть и не чувствовал себя счастливым, но, по крайней мере, испытывал умиротворение.

Звон инструментов на металлическом подносе напомнил ему, что ассистентка наводит у него в кабинете порядок. Рабочий день закончился, он мог уходить. Алан надел свою кожаную куртку и пошел прощаться с Кристиной. Он полностью доверял ей и не переставал радоваться, что снова нашел свою ассистентку, переехав в Ламбаль. Она была старой девой и, получив несколько небольших наследств, не нуждалась в заработке, но за многие годы работы с доктором в Сен-Брие сильно привязалась к нему. Узнав, что он снова открывает кабинет в этом округе, она сразу же приехала, прежде чем он успел нанять кого-нибудь другого.

– До свидания, Кристина. Закройте кабинет сами...

Его автомобиль-кабриолет с кадуцеем³ на приборной панели был припаркован в двух шагах отсюда. Покинув Ламбаль, Алан поехал по второстепенной дороге, ведущей в лес Сент-Обен. Дом, в котором он теперь жил, был найден случайно по объявлению в газете, и к тому времени он уже довольно давно был выставлен на продажу. Его архитектура напоминала о замках XVII–XVIII веков на острове Сен-Мало. По-видимому, его построил разбогатевший судовладелец, желавший жить в деревне. У дома была двускатная крыша с остроконечными мансардными окнами, узкими дымоходами и беленые стены с гранитной облицовкой. Это было строгое и величественное здание; его неширокие, но высокие окна выходили с одной стороны в запущенный парк, а с другой – в лес. Алан влюбился в него с первого взгляда и, не раздумывая, вложил в покупку все деньги, оставшиеся у него после дорогостоящего развода. Чтобы открыть кабинет, ему пришлось влезть в долги, но в тот момент его это несколько не заботило – он хотел начать жизнь с чистого листа.

Алан приехал домой, когда уже спустились сумерки, и подумал, что скоро будет возвращаться в полной темноте. Его первой заботой было проведать Патурсес, рыжую кобылу. Это бретонское имя переводится как «Пастушка», но обнаружив, что она боится овец, он ограни-

---

³ Кадуцей – символ медицины – показывает, что автомобиль принадлежит врачу.

чился коротким Пат. Впервые в жизни он мог позволить себе держать дома лошадь и с удовольствием пользовался этим, совершая чудесные прогулки по окрестным лесам. Верхом он добирался до самой деревни Сент-Эспри-де-Буа или до леса Уноде, в котором изучил каждую тропинку. Верховая езда многие годы была его любимым видом спорта, но в конце концов он устал от конных клубов и теперь жаждал одного – прогулок в полном одиночестве.

Одиночество он выбрал сознательно после всех неудач и разочарований. Недавно ему исполнилось сорок лет, и он больше не хотел связывать себя обязательствами с кем бы то ни было.

– Привет, моя красавица!

Опершись о дверцу стойла, он несколько минут любовался своей кобылой. Она была хороша: золотисто-гнедая, с грациозными ногами в белых пятнах, с изящной головой и умными глазами, что свойственно чистокровным лошадям. Несмотря на пугливость, через несколько месяцев она стала доверять ему и сейчас подошла поближе, чтобы он погладил ей ноздри. Порывшись в карманах джинсов, он достал кусок сахара и протянул ей ладонь.

– Сегодня уже поздно, но завтра мы с тобой прогуляемся, обещаю!

Он договорился с соседом-фермером, что тот будет приходить кормить кобылу и время от времени выпускать ее побегать в загоне. Чтобы она не скучала в одиночестве, Алан купил для нее козу, и та следовала за ней как тень.

– Спокойной ночи, девочки! – сказал он, опуская крышу стойла.

Два денника и небольшой сарай для упряжи уже были в пристройке задолго до того, как он купил дом, и это подтолкнуло его к решению. К тому же агент по недвижимости честно сказал ему, что дом стоит на отшибе, вдали от других домов. Алан именно того и хотел, и сделка состоялась немедленно.

В холле пахло мастикой, что выдавало приход экономки. Алан подозревал, что она использует бытовую химию больше, чем нужно, чтобы оставить доказательства своей работы, но неважно – ему было приятно, что в доме чисто. Он вошел в кухню – обширное помещение, в котором проводил большую часть времени. Кто-то из предыдущих владельцев, должно быть, снес перегородки, и получился просторный зал. В глубине его стояла вся необходимая бытовая техника с внушительной, в шесть конфорок, плитой посередине.

На противоположной стороне находился камин, по бокам которого располагались удобные клубные кресла с потемневшей кожаной обивкой, а посередине зала – приобретенный на аукционе монастырский стол в окружении бретонских стульев с резными спинками. Вдоль самой длинной стены в проемах между окнами размещалось несколько этажерок, заполненных тарелками, книгами или компакт-дисками. Все вместе выглядело необычно, но очень уютно. Алан разжигал камин и при его ярком пламени читал, слушал оперу, разогревал еду, приготовленную экономкой, и смаковал винтажные вина. У него не осталось средств на обустройство погреба, и он пил то, что покупал.

Наполнив бокал, он бросил взгляд на почтовую корреспонденцию, лежавшую на столе, и бегло просмотрел несколько реклам, счет за электричество и банковскую выписку. Все, что касалось его врачебной деятельности, приходило на адрес кабинета в Ламбале, здесь он почти ничего не получал.

Алан поджег уже сложенные в камине поленья, вставил в плеер диск с оперой «Тоска» и уселся поудобнее в кресле. Поглощенный музыкой, он неотрывно смотрел на огонь, а его мысли текли сами собой. Он почти никогда не думал о Луизе, своей первой жене: это доставляло ему слишком сильную боль, и он старался не бередить рану. Ее сбил какой-то лихач, въехав на тротуар, и она погибла на месте. Водителя так и не нашли. Алан был недалеко от нее в момент удара, но он выходил из магазина и ничего не успел сделать. Вместе с ужасом он испытал нестерпимое желание мести. Его душила такая ярость, что если бы он смог догнать водителя, то избил бы его до смерти. Ему было 27 лет, а Луизе – 24, и они были женаты всего

два года. Вскрытие показало, что она была беременна, и она об этом даже не знала. Прошло много времени; Алан начал встречаться с женщинами, но ярость не утихала и мучила его по-прежнему. Во время одной из своих бесчисленных бессонниц он понял, что разрушает себя и что ему надо жить дальше. Он бросил Ренн и переехал в Сен-Брие. Поскольку учился он долго – сначала общей медицине, потом стоматологии, которую обожал, – к тому моменту, когда произошла трагедия, он всего год работал врачом. Следующие два года прошли как в тумане из-за терзающей его боли и полного безразличия к своей профессии. Создать что-то на новом месте стало вопросом выживания. И действительно, в Сен-Брие он быстро оброс новой клиентурой, а потом встретил Мелани. Она была полной противоположностью Луизы: экспансивная, горячая, предприимчивая. Он женился на ней спустя четыре года, перевернув, таким образом, эту страницу жизни.

Алан встал с кресла, увеличил звук стереопроигрывателя и снова налил себе вина. Мысли о Мелани были не так болезненны, но приводили его в бешенство. То, что он считал любовью, оказалось мошеннической сделкой, в которой его обобрали. Пожираемая амбициями, жаждущая социального успеха, Мелани требовала, чтобы он стал ортодонтом. Установка детям ортодонтических колец, выравнивающих зубы, приносила большой доход и не отнимала у врача много времени. В те годы Алан принимал от тридцати до сорока детей в день и, как автомат, производил одни и те же манипуляции. Каждого пациента он видел не более трех минут – этого времени было достаточно, чтобы надеть кольцо и зафиксировать его, после чего он переходил к следующему пациенту, пока секретарша записывала дату будущего визита, потому что для каждого ребенка процесс растягивался на несколько лет. Это обеспечивало доход его кабинету, но он был очень далек от того, что интересовало его в стоматологии и хирургии с медицинской точки зрения: имплантаты и протезы, то есть все виды восстановления зубов. Мелани смеялась над его недовольством и сомнениями, ей надо было много денег, чтобы осуществить свой грандиозный проект: она была одержима идеей построить в бухте Сен-Брие роскошный бальнеологический центр, ориентированный на богатых клиентов. Она воображала себя во главе этого комплекса, который предоставлял бы все возможные услуги: бассейн с подогретой морской водой, грязевые ванны и массаж с непременно музыкой для релаксации и пушистыми халатами. Мелани мыслила широко и верила в себя безгранично, поэтому, не колеблясь, брала большие кредиты, не слушая предостережений Алана. Начали вспыхивать споры, все чаще и чаще. Когда однажды Алан попытался помешать ей объединиться с сомнительными партнерами, она вскипела и затеяла развод. В этот момент он даже почувствовал облегчение, потому что уже не был влюблен в нее. Однако он недооценил жадность своей супруги: развод его полностью разорил. Он лишился всего: дома, частной практики; а для того, чтобы ему не пришлось пожизненно выплачивать ей алименты; он оставил ей все до последнего евро. Совершенно раздавленный, Алан вернулся в Ренн, где проходили его студенческие годы, и устроился на работу в отделение челюстно-лицевой хирургии при университетской больнице. Долгое время он не думал ни о чем, кроме работы. Решив, что он получил достаточную прививку от брака и любви, Алан ограничил себя знакомствами на один вечер. А однажды он вдруг понял, что ему плохо в большом городе и не хватает моря. Однако он ни за что на свете не вернулся бы в Сен-Брие, хотя его бывшая жена оттуда уехала. Но тут представился случай получить практику в Ламбале, и он им воспользовался, обрадовавшись, что будет жить в десяти километрах от побережья Валь-Андре.

Алан очень быстро обзавелся пациентами и на следующий год стал подыскивать себе дом.

– А вот и ты, – нежно сказал он белой кошечке, появившейся на кухне. С тех пор, когда она впервые возникла на пороге и положила на коврик в качестве приношения дохлую мышь, она гуляла сама по себе, где хотела. Алан проделал для нее лаз под дверью, чтобы не стеснять ее свободу, но она все равно большую часть времени проводила в доме, хотя он и не знал, где она прячется и чем там занимается.

– Ну что, киска, проголодалась?

Он пересек обширную кухню, насыпал сухой корм в миску и поставил ее на пол около плоски с водой. Нерешительно взглянув на бутылку вина, оставленную на столе, он подумал, что, если хочет выпить третий бокал, надо сначала что-нибудь съесть. Жизнь в одиночестве имела некоторые неудобства: необходимость самому обо всем заботиться, закупать продукты, готовить и убирать дом. Чтобы решить эту проблему, он доверил все хозяйственные дела экономке – энергичной пенсионерке, которая водила свой допотопный «Рено» как танк и ловко управлялась со шваброй. Они почти не пересекались в доме, но Алан с удовольствием общался с ней, когда представлялся случай. Эта чистокровная бретонка, сохранившая местный выговор, иногда раздражалась забавными бунтарскими речами. Дом она держала в порядке, холодильник был всегда полон, а каждую пятницу она стелила свежее белье. Как-то он спросил, почему именно в пятницу, и она ответила со значением: «На всякий случай».

На случай, если он приведет женщину, разумеется. С ним это случалось не раз, но на следующее утро его неизменно охватывала глубокая тоска. Он не был циничен и считал своим долгом предложить девушке завтрак и поболтать о том о сем, прекрасно зная, что больше ее не увидит. Его недоверие к женщинам со временем только укрепилось; Луиза и Мелани излечили его от серьезных чувств – каждая по-своему. Не желая больше страдать, он закрылся броней и чувствовал себя в ней вполне удобно.

Алан открыл морозильник, достал наугад два каких-то блюда с китайской едой и поставил их в микроволновку. Поднялся ветер и с воем стал кружить вокруг дома и задувать под двери. С минуту Алан наблюдал, с какой деликатностью кошка ест крокеты, обнюхивая каждый кусочек, а потом поднял голову и огляделся. С тех самых пор, как он поселился в этом месте, в его душе наступил мир и спокойствие. Каменные стены казались ему бастионом, защищающим его от внешнего мира, в котором он целыми днями лечил пациентов, находя время для общения с ними. Вечера же принадлежали только ему, и он хотел наслаждаться ими. Слушать любимую музыку, пить хорошее вино, смотреть фильмы из своей богатой видеотеки, читать книгу у камина. Немногочисленные, тщательно отобранные друзья иногда получали приглашение разделить с ним ужин, и в таких случаях он просил свою бретонку приготовить что-нибудь вкусное. Ему совершенно не хотелось одичать или превратиться в мизантропа, он всего лишь пытался защититься от отчаяния, которое временами накрывало его так, что он терял веру в себя.

Запах карри, поплывший по кухне, пробудил его аппетит, и он усилил звук проигрывателя, чтобы Пуччини заполнил собой все вокруг.

* * *

Войдя в гавань, послушная Армель яхта безупречно выполнила маневр, и Маэ подтянула ее буксирным тросом к причалу. От дождя у обеих намокли волосы, и, несмотря на высоко поднятые воротники дождевиков, вода затекала внутрь, а вместе с ней и холод.

– Это просто фантастика! – с восторгом воскликнула Маэ.

Прогулка длилась не более трех часов, но от сильного ветра маленький парусник летел, как птица.

– Море было спокойным, нам повезло, – согласилась Армель, закрывая дверь кабины. – Пойдем на берег, мне ужасно хочется горячего шоколада.

Пересев в надувную лодку, привязанную к яхте, они обменялись радостными взглядами.

– Согласись, в парусном спорте много приятного, – улыбнувшись, добавила Армель и запустила подвесной мотор.

Подружившись еще в младших классах, они никогда не теряли друг друга из виду. Армель служила в одном из банков Эрки, куда ей удалось перевестись после двух лет работы

в Ренне. Ее настойчивое желание вернуться было продиктовано страстью к яхтам, и не успела она приехать обратно, как сразу купила подержанный «Дюфур-31» и полностью отдалась своему увлечению. Как и Маэ, она не представляла себе жизнь без моря, и ни в одном месте во Франции ей не было лучше, чем в родном порту.

– Ты только посмотри на эту чертову прорву «ракушечников», которые устраивают нам пробки! – вскрикнула она.

Сквозь тархтение двигателя и шум ветра Маэ скорее догадалась, чем услышала шутку подруги. Впрочем, она ее повторяла каждый раз по возвращении на берег. Рыбалка и яхтинг представляли два отдельных мира, несмотря на то что и тем, и другим занимались моряки, а значит, были солидарны. По привычке Маэ искала глазами свои судна среди тех, что толпились в бухте. Поскольку они были окрашены в ее любимые цвета – вишнево-красный и зеленовато-синий, ей почти всегда удавалось их различить.

Выйдя на берег, они причалили буксир и поспешили укрыться в ближайшем баре.

– Довольна прогулкой? – поинтересовалась Армель, падая на стул.

– Сама знаешь, что да. Обожаю твой «Фаэзер», я бы на нем до Америки дошла.

– По-моему, ты уже готова добраться до нее вплавь.

Маэ заказала горячий шоколад, сладкие блинчики и объявила, что не ограничится Америкой и как-нибудь отправится в настоящую кругосветку.

– Как дела у твоего отца? – поинтересовалась Армель.

– Как всегда. По-прежнему ворчит и во все вмешивается. Ты же знаешь – он не желает признавать себя больным.

– Ему и без болезни было бы трудно смириться со старостью. А еще труднее – уступить тебе свое место!

В отличие от Маэ, Армель была очень женственной и, не смущаясь, демонстрировала свои пышные формы. С высокими скулами, решительным подбородком и миндалевидными глазами, она была красива и знала это, но никогда не задирала нос. Когда они шли вместе, первой всегда замечали Армель – высокую эффектную блондинку, но потом все подпадали под очарование Маэ, и это уже стало между ними предметом шуток, потому что они совсем не чувствовали себя соперницами.

– Не представляю, как ты его выносишь. Каждый раз, когда я встречаюсь с твоим отцом, он изображает любезность и задает мне одни и те же бестактные вопросы. Почему я до сих пор не нашла себе мужа, не скучно ли работать в банке и разве меня не должны были уже давно повысить в должности? Как будто я старая дева с незадавшейся карьерой.

Маэ расхохоталась: она прекрасно знала манеры своего отца.

– Он давит на самые больные места и изображает заботу, – призналась она.

С ней Эрван был осторожнее, опасаясь рассердить ее. Вынужденные жить вместе, они старались щадить друг друга.

– Тебе надо всерьез подумать о пансионате для престарелых с медицинским уходом.

– Я не могу, Армель, я буду чувствовать себя виноватой. Избавиться от него, потому что он заговаривается и время от времени злится? Думаю, причина в возрасте и перенесенном инсульте. На самом деле, если не считать некоторых осложнений, отец чувствует себя нормально. Я это вижу, и его врач со мной согласен. Если он не один, он достаточно самостоятелен, чтобы жить дома. Но если меня не будет рядом...

Она не договорила и только покачала головой.

Подруги часто вели откровенные разговоры, и поэтому каждая могла оценить проблемы другой.

– А ты как? Что у тебя с Даном? – спросила Маэ, меняя тему разговора.

– Мы ссоримся три раза в неделю – все три раза, когда встречаемся. У нас ни в чем нет согласия – кроме постели.

– Брось его.

– Я обещаю себе это каждое утро, но когда мы занимаемся любовью, я говорю себе: «Ни за что!» Дан – мужчина для ночи. Днем я его терпеть не могу.

Армель так заразительно расхохоталась, что к ней обернулись посетители бара.

– Ты никогда не берешь его в море? Вы могли бы вместе...

– Он ненавидит ходить под парусом, и я никогда не возьму его с собой, потому что мне захочется выбросить его за борт!

Она снова расхохоталась, но, вспомнив, по-видимому, Ивона, сразу стала серьезной. Они никогда не разговаривали об этом: Маэ до сих пор не оправилась от травмы и не касалась этой темы. На ее горе почти сразу наложилось ощущение предательства, а потом холодная ярость, которая не отпускала ее долгие месяцы. В таком состоянии она не могла поставить крест на этой истории, и, наверное, не сможет никогда. Ивон был ее первой любовью, человеком, которому она безгранично доверяла и который так подло ее обманывал. Он погиб ужасной смертью, но она даже не могла его оплакать и, бессильная отплатить мертвецу, была обречена молча переносить свое горе.

– Ты доверила «Жабадао» Жану-Мари?

– Конечно. Он без ума от этого траулера и говорит, что за всю свою рыбацкую жизнь не встречал лучше. Он действительно очень славный парень и хороший моряк.

– И, между прочим, очень красивый!

– Он тебе нравится? – удивилась Маэ.

– Я бы такого не упустила. По-моему, с годами он стал лучше. Я на днях увидела его в порту с трехдневной щетиной и сигаретой в зубах. Он мечтательно смотрел вдаль, а я немного понаблюдала за ним и подумала: почему я не обратила на него внимания раньше? Может быть, он был слишком молод... Но теперь – в самый раз!

Маэ подмигнула Армель.

– Хочешь, устроим дружеский ужин в ресторане? – предложила она, кладя деньги на столик.

– Давай! Позовем вместе с ним еще двух-трех приятелей, каждый заплатит за себя – короче, все просто, без всяких приготовлений. Только не садись рядом с ним!

Армель не совсем шутила: ей уже не раз нравились парни, которые, невзирая на все ее усилия, смотрели только на Маэ.

Когда они вышли на улицу, дождь закончился, но его сменил ледяной ветер. Осень началась плохо, о бабьем лете нечего было и думать.

– Кстати, ты довольна стоматологом? – спросила Армель, надевая свою промокшую фуражку.

– Да, и ты была права: он лечит без боли.

– Вот именно. Я сама жутко боюсь стоматологов!

– Я тоже. Но мы с ним еще не закончили: он должен поставить мне коронку. Надеюсь, он потом не выпишет мне безумный счет!

Молодые женщины распрощались, и Маэ направилась домой. Эрван, наверное, давно ждал ее и дулся – как всегда, когда она исчезала из дому на несколько часов, особенно если уходила развлекаться. Он, конечно, обязательно заметит кислым тоном, что ей следует заниматься их делами, а не кататься с подружкой на идиотской яхте. Яхтсмены вызывали у него раздражение своей бесполезностью; послушать его, так надо вообще закрыть для них бухту, чтобы они не мешали рыбакам. Кроме того, он пренебрежительно относился к Армель, считая ее нахалкой и вертихвосткой.

Маэ часто думала – откуда у него такое отвращение к ее лучшей подруге? Была ли это ревность со стороны Эрвана? Неужели он хотел, чтобы его дочь полностью посвятила себя

компании и дому, отказавшись от всех развлечений? Став вдовцом, он как будто ожидал, что Маэ заменит ему Анник, и совершенно не осознавал, как эгоистично его желание.

Проходя мимо табачной лавки, она увидела выходящую оттуда женщину с маленьким мальчиком и остановилась как вкопанная. Не чувствуя холода, Маэ смотрела им вслед. Значит, Розенн вернулась в Эрки! Розенн и этот ребенок, чьего имени ей даже не хотелось вспоминать. Она помнила только эту женщину и ее невероятные откровения. Это произошло перед церковью. Бретонские волынки замолчали, когда из уст незнакомой женщины на нее обрушились чудовищные слова. Присутствующие, стоявшие в ожидании, когда они смогут обнять Маэ и выразить ей соболезнование, отпрянули в сторону, предвидя скандал. Маэ ничего не хотела слышать, не хотела верить, но ей пришлось признать очевидное. Такую ложь придумать было невозможно. К тому же женщина начала совать ей в лицо свидетельство о браке, а потом так яростно выхватила из сумки пакет с фотографиями, что некоторые упали в грязь прямо перед ними. Увидев на снимках лицо Ивона, Маэ наклонилась, чтобы подобрать их. С затуманенными от слез глазами она все-таки узнала родное лицо, нежную улыбку и влюбленный взгляд Ивона, которые принадлежали лишь ей. Вот только смотрел он не на нее и не благодаря ей улыбался и светился счастьем. На снимках рядом с ним была женщина с младенцем на руках. Трогательная семейная сцена, иллюстрация к двойной жизни Ивона...

Она увидела, как Розенн повернула на одну из улиц, держа ребенка за руку. Сына Ивона. Ребенка, которого он признал своим и засвидетельствовал это официально. Похож ли сын на него? Сколько ему сейчас лет? Маэ не успела рассмотреть мальчика внимательно, она видела только Розенн.

Она чуть не бросилась бежать, чтобы нагнать их. Но что-то помешало ей: и это был страх, что незажившая рана снова начнет кровоточить. Раздираемая противоречивыми чувствами, измученная гневом и горем, Маэ прокляла Ивона, но замкнулась в молчании. Пересказывать бесстыдную ложь того, за кого она собиралась замуж, казалось ей дополнительным унижением. Она спокойно выслушивала соболезнования, слова утешения и единодушные похвалы в адрес покойника, на которые не скупилось ее окружение, однако внутри она вся кипела. Но даже если бы она открыла всю правду, это бы не освободило ее отца от чувства вины. Резкий поворот штурвала, который швырнул молодого человека за борт, навсегда останется на совести старого моряка, и он никогда себе этого не простит. Разоблачение Ивона ничего бы не изменило. И поэтому Маэ выбрала молчание. Она не пыталась узнать – кто эта Розенн, где живет, как оказалась возможна эта двойная жизнь. Она подвела черту и похоронила случившееся на самом дне памяти, решив, что прошлое останется в прошлом. Навсегда. Только спустя несколько месяцев после трагедии она рассказала всю правду Армель, когда однажды вечером они обе выпили лишнего. Но у Армель был достаточно сильный характер, чтобы сохранить это в тайне, что она и доказала впоследствии.

Маэ развернулась и пошла домой. Эта внезапная встреча с Розенн и мальчиком потрясла ее. Вихрь вопросов кружился в ее голове, и ни на один она не могла найти ответа. С уходом лета заканчивался туристический сезон, зачем же она приехала? Возможно, у нее в Эрки есть родственники? До сих пор Маэ не желала о ней знать и действительно ничего про нее не знала. Она лишь вспомнила, как Розенн утверждала, что приехала только на похороны. Приехала откуда? И потом, это же были не настоящие похороны. Она хотела во что бы то ни стало присутствовать в церкви на панихиде? Чего она ожидала от этого столкновения с соперницей? Ее лицо было искажено горем, голос прерывался от рыданий, но как она могла продолжать любить мужчину, который собирался жениться на другой? Ивон не заслуживал такого горя, он предал их обеих, и своего сына тоже.

Перед воротами дома Маэ немного постояла, чтобы успокоиться. Эрван, наверное, уже потерял терпение и будет сердиться, но сейчас это было неважно. Снова хлынул дождь, и ее охватил озноб. Начинался сезон рыбалки, и ей совсем не хотелось схватить простуду. Она

должна найти в себе мужество и забыть эту встречу перед табачной лавкой. Маэ решительно толкнула ворота.

2

– Вам действительно трудно сидеть спокойно? – спросил Алан сдержанно.

После укола анестезии в десну Маэ пришлось перетерпеть неприятный вкус крови, острый и раздражающий звук бормашины, а потом у нее во рту поочередно побывали разные инструменты. Побелев от страха, она ерзала в кресле, словно хотела в него провалиться.

– Это всего лишь слепочная ложка, – объяснил врач, помахав металлическим предметом, наполненным отвратительной розовой массой. – Посидите спокойно три минуты, и я закончу. Это абсолютно безболезненно. Впрочем, если почувствуете малейшую боль или дискомфорт, просто поднимите руку.

Маэ послушно открыла рот, чтобы дать ему продолжить, но почти сразу же на нее накатил такой приступ тошноты, что она взмахнула сразу двумя руками и сбила защитные очки с доктора Кергелена.

– Простите... мне показалось, что вы что-то воткнули мне в горло, и я не могла дышать.

Он положил слепочную ложку на столик, наклонился, подобрал очки, потом снял перчатки и молча надел новые.

– Эта штука слишком большая, – сказала она недовольно.

– Есть несколько размеров, эта соответствует размеру вашей челюсти.

Доктор был раздражен, но все-таки сохранял подобие улыбки. Он явно привык к таким выходкам своих пациентов.

– Попробуем еще раз? – предложила Маэ, смирившись.

– Да, начнем сначала.

Он сделал знак своей ассистентке приготовить новую смесь из этой тошнотворной розовой массы. Маэ видела его усталое лицо, скрытое за маской и очками. Она попыталась расслабиться, но когда он снова попросил ее открыть рот, она вцепилась в подлокотники кресла.

– Я скоро закончу, дышите ровно.

Маэ сосредоточилась на отвратительном хлюпанье слюноотсоса, а потом принялась пересчитывать ячейки операционной лампы над головой.

– Ну вот! – торжествующе объявил Алан.

Ассистентка подала Маэ раствор для полоскания, отвязала салфетку на шее, выполнявшую роль слюнявчика, и отодвинула подставку бормашины, чтобы девушка могла встать.

– Не пейте горячего пару часов, – посоветовала она.

Алан снял маску, очки, перчатки и задумчиво посмотрел на Маэ, словно спрашивая себя, не прописать ли ей перед следующим визитом успокаивающее средство. Но он только сказал:

– Слепок я отправлю протезисту. Через десять дней придете примерять коронку.

Его белокуро-пепельные волосы, светло-серые глаза и атлетическая фигура, должно быть, покоряли женщин с первого взгляда. Но Маэ не любила пресыщенных мужчин. Ее раздражала его дежурная улыбка и подчеркнуто-спокойные интонации, из-за которых она чувствовала себя идиоткой. Накидывая дождевик, она что-то вежливо пробормотала и торопливо направилась к двери.

После ее ухода Алан вздохнул.

– Она немного истерична, вам не кажется?

– Она просто испугалась, – возразила Кристина. – Вы же знаете, что пациенты приходят в ужас, когда садятся в это кресло.

Они оба засмеялись, и Алан заметил:

– Имидж нашей профессии выиграл бы, если бы мы больше общались с пациентами. Уже довольно давно лечение зубов стало безболезненным. Раньше и теперь – разница огромная... Я полагаю, мадемуазель Ландрие была на сегодня последней?

- Совершенно верно. Вы можете уходить, я закрою кабинет.
- Не знаю, что бы я без вас делал, – ответил Алан.

Он повторял это каждый вечер, но не по привычке, а потому что так и думал. Мысль о том, чтобы найти другую ассистентку и заново учить ее, приводила его в ужас. Кристина знала его метод работы, его требования и причуды, она предвосхищала его действия и чувствовала, когда нужно остаться и помочь, а когда, наоборот, – оставить его одного и идти заниматься своими делами. Она восхищалась им как врачом-практиком, уважала как босса и с удовольствием делилась с ним своими размышлениями. У нее было прекрасное чувство юмора, и она никогда не допускала ни малейшей двусмысленности в их отношениях. И все-таки он подозревал, что она испытывает к нему что-то вроде материнского инстинкта, который ей не удалось реализовать.

- Доктор...

Снимая халат, он обернулся к ней.

- Сегодня третье октября.
- Да, и что?
- Уже третье октября.

- О, мне очень жаль, но почему вы ждали три дня, чтобы напомнить мне об этом?

Она сама заполняла чек на зарплату, но он должен был его подписать. Алан взял со стола старомодную чернильную ручку с пером, которую особенно любил.

- Она течет, – предупредила его Кристина.
- Я не могу писать ничем другим.

Это был подарок Луизы на вторую годовщину их свадьбы, и он был особенно дорог ему, потому что три дня спустя ее не стало. И когда он держал ручку, он как будто держал за руку Луизу.

- До завтра, – попрощался он с Кристиной, протягивая чек.

Выйдя на улицу, Алан решил выпить пива в порту Эрки. Он любил смотреть на корабли и слушать разговоры у барной стойки, когда приезжих уже не было и оставались только рыбаки, толкующие о своих делах. Иногда он доходил по пляжу Гуэн до самого мыса ради того, чтобы полюбоваться открывавшимся оттуда видом. И раз в неделю обязательно отправлялся на набережную, покупая у рыбаков на причале только что выловленную рыбу. Алан привык к этому с детства, когда мать ходила с ним на рынок в их родном городке Канкаль. С тех пор он сохранил воспоминание о вкусе устриц, пахнувших йодом, и необоримую страсть к морю. Ему необязательно было видеть его каждый день, но уехать от него он не мог. Сегодня ему хотелось просто выпить кружечку пива среди людей, и он припарковался возле своего любимого бара. Сев в зальчике, потому что вечера становились довольно прохладными, он стал наблюдать за входящими.

Мимо барной террасы прошла молодая женщина, и он узнал в ней Маэ. Она шла с полными пакетами – по-видимому, из супермаркета. Он увидел, как она остановилась, поставила пакеты на тротуар и, вынув из кармана дождевика салфетку, вытерла рот. Ее явно беспокоила травмированная при анестезии десна. Как ни странно, этот обычный жест чрезвычайно тронул Алана, и он провожал ее взглядом, пока она не исчезла окончательно. Ее решительный, почти властный вид совершенно не вязался с его недавними впечатлениями о ней. Сейчас он понял, что она красива, хотя почти не обратил на нее внимания у себя в кабинете. Впрочем, он никогда не видел в своих пациентках женщин – это было его незыблемым правилом, которому он не собирался изменять. И все-таки ему пришлось признать, что она прелестна... Он не знал, чем она занимается – они об этом не говорили, но, конечно, он успеет спросить об этом в следующий раз.

Алан положил деньги на столик, решив, что пора вернуться домой и провести свою кобылу, а кроме того, послушать новый диск с записью моцартовского «Дон Жуана», который должны были уже доставить с почты.

* * *

Эрван дожидался возвращения Маэ, не находя себе места от скуки и раздражения. К чему столько визитов к стоматологу? У нее безупречные зубы, улыбка, как у кинозвезды, что ей еще надо? Он давно заметил, что дочь стала кокеткой. Она так часто меняла одежду, что он не успевал к ней привыкнуть. Где она ее покупала? Он мог бы поспорить, что не в Эрки. Но поскольку дочь никогда не сообщала, куда идет... Конечно, она хорошо управляла компаний – в этом он не мог ее упрекнуть, однако дом был запущен, в нем уже не было такого порядка, как при Анник. И что это за манера – ходить с приклеенным к уху телефоном? И уж конечно, не для того, чтобы звонить отцу!

Эрван не любил оставаться один. В свои лучшие годы он возвращался в дом, где у плиты хлопотала жена, стол был накрыт, а их маленькая дочка уже мирно спала в обнимку с плюшевым медведем. Он стал вдовцом очень рано и до сих пор не оправился от потери. Даже воспитание дочери было ему не по силам. Как понять, что в голове у подростка тринадцати лет? Жены рыбаков по очереди присматривали за девочкой, когда Эрван выходил в море, но, возвращаясь, он никогда не знал, о чем с ней говорить. И тогда он стал рассказывать ей о кораблях, о том, как ловят рыбу, и дочка прекрасно усваивала эти уроки. В шестнадцать лет она уже ловко управлялась со штурвалом траулера! Позже, когда Маэ влюбилась в Ивона, Эрван снова воспрянул духом. Ивон был отличным моряком, обо всем судил здраво и не боялся высказывать свое мнение. Эрван подумывал, что он станет хорошим зятем, способным со временем возглавить семейное дело. Его радовали приготовления к свадьбе, но потом... После того ужасного случая ему каждую ночь снились кошмары. Его преследовали воспоминания о шторме, о человеке, смытом за борт, о его отчаянных усилиях удержать судно на плаву, о возвращении в порт... Как он мог после этого смотреть в лицо Маэ? В тот день все изменилось. Ему больше не доставляло никакой радости общение с рыбаками, и нечего стало рассказывать дочери. Когда с ним случился инсульт, он почувствовал почти облегчение от того, что больше не нужно бороться с собой. Он бы с удовольствием понежился в больнице еще несколько недель. Но скоро к нему пришло осознание того, что он уже не восстановится окончательно. Его речь была вязкой, каждое слово давалось с трудом, а при вставании кружилась голова. Врачи сказали прямо: последствия инсульта останутся на всю оставшуюся жизнь. Он думал о самоубийстве, но ему не хватило мужества. Как и для того, чтобы похоронить себя заживо в доме для престарелых. Но у него была Маэ – и, будучи хорошей дочерью, она безропотно взвалила на себя эту ношу. Эрван осознавал, что должен испытывать к ней благодарность, но ее не было. И не могло быть. Теперь, когда он лишился своего рыболовного бизнеса и не мог без посторонней помощи подняться на палубу, он злился на весь белый свет. Ненавидя самого себя – во всяком случае, таким, каким он стал – он больше не мог любить никого вокруг.

– А, ну наконец-то! – воскликнул он, услышав скрип отворяемой двери.

Маэ, не считая нужным ответить, натянуто улыбнулась и пошла с полными пакетами прямо на кухню.

– Что мы будем есть? – ворчливо спросил отец.

– Придется немного подождать, папа.

– Ты не купила гребешков? Теперь, когда начался сезон, мне не терпится их поесть!

– Завтра куплю. А сейчас приготовлю что-нибудь на скорую руку.

– Как всегда... Не надо есть наспех, Маэ, это очень вредно для здоровья.

Зазвенел звонок, и Маэ поспешно пошла открывать, чтобы избежать очередного бесполезного спора о правильном питании. Увидев на пороге Жана-Мари, она благодарно улыбнулась ему.

– Я подумал, что вы с отцом еще не успели их попробовать...

Молодой человек протянул ей пакет с морскими гребешками, и она расхохоталась.

– Вот это совпадение! Мы как раз сейчас о них говорили.

– Надеюсь, со дна еще не все растащили, – пробурчал подошедший Эрван.

Это была избитая шутка, которой он постоянно потчевал рыбаков. Он взял пакет и придирчиво изучил его содержимое, одобрительно хмыкая. Но, передавая пакет Маэ, он чуть не перевернул его и застыл в замешательстве. Жан-Мари сделал вид, что ничего не заметил.

– Ну я пойду, приятного аппетита!

– Не хочешь остаться выпить что-нибудь?

После минутного колебания он отклонил приглашение и исчез.

Маэ закрыла за ним дверь и задумалась. Жан-Мари был ее лучшим капитаном, она без тени сомнений доверила ему «Жабадао», с удовольствием болтала с ним после работы – и, однако, ничего не знала о его личной жизни. Скромный, пунктуальный, серьезный, он больше десяти лет работал на семью Ландрие, но никогда не откровенничал ни с отцом, ни с дочерью.

– Он все-таки очень славный, наш Жан-Мари, – сказала она отцу.

– Да, хороший парень, – вяло отозвался Эрван.

Маэ внимательно посмотрела на отца, пытаясь понять, что вызвало его недовольство. Отвернувшись, он потащился на кухню, неуверенно переставляя ноги. Он получил свои гребешки, мог бы, по крайней мере, улыбнуться! Она устала от его замечаний, хандры и язвительного тона. Чтобы не злиться на отца, Маэ прибегала к действенному средству: мысленно возвращалась к своей подростковой поре. Он действительно сделал все от него зависящее, чтобы ее жизнь была приятной, несмотря на смерть матери. При всей своей беспомощности он был любящим и ответственным родителем. Не имея представления о нуждах молодой девушки, он на каждую просьбу дочери отвечал утвердительным кивком головы, и в то время Маэ это очень трогало. Расписываясь в ее школьном дневнике, он всегда старался высказать что-нибудь дельное, конкретное, но ему не удавалось скрыть свое почти полное равнодушие к ее учебе. Сам он плохо учился, но это не помешало ему преуспеть в жизни, о чем он всегда во всеуслышание заявлял.

Только когда дочь начала интересоваться рыбалкой и кораблями, он почувствовал себя счастливым.

– Я приготовлю их, как ты любишь, – сказала Маэ, – чуть-чуть отварю и сделаю соус из сидра.

Он с удовлетворенным видом сел за стол, словно собирался начать есть через пару минут.

– Как твои зубы, все в порядке? Для молодой женщины красивая улыбка очень важна. В мое время на это не так обращали внимание, а сейчас все должно быть идеально! Достаточно посмотреть женские журналы: измените то, переделайте это...

– Ты читаешь женские журналы? – прыснула Маэ.

– Я листаю твои, когда мне скучно.

– Ты скучаешь, папа?

– Мне нечего делать с утра до вечера.

– Проведай друзей, гуляй больше.

– Я плохо хожу, доченька, и быстро устаю. Что касается друзей... Некоторые из них еще довольно активны, а я уже давно вне игры. Мне нечего им рассказать, в моей жизни ничего не происходит. Теперь дело в твоих руках, и я не хочу вмешиваться, да ты и не просишь моих советов. Даже наши матросы смотрят на меня с жалостью, и это жутко раздражает.

– Вовсе нет! Приходи пообщаться с ребятами, когда они вернутся из рейса, развеешься немного.

Маэ предложила это без особой убежденности: ей совсем не хотелось, чтобы он заявлялся на их встречи и вступал в разговоры. Не может быть двух боссов, они оба это понимали. Тем более что она использовала другие методы лова, более современные, которые он постоянно критиковал, так же, как осуждал ее траты на новые траулеры.

– Не хочу подрывать твой авторитет, – великодушно объяснил он.

– И сеять сомнения в головах, ты прав, – отозвалась она.

Эрван бросил на дочь настороженный взгляд. Он не понимал ее юмора и не хотел стать мишенью для ее шуток. Когда она пошла на кухню готовить гребешки, он бросил ей вслед:

– У тебя так и нет друга?

Этот коварный вопрос отец задавал ей регулярно.

Должно быть, он и хотел зятя, и в то же время боялся его появления.

Медля с ответом, Маэ растопила на сковороде кусок подсолненного масла и добавила яблочный уксус.

– Друзья есть, а друга нет.

– Мне так хочется увидеть тебя замужней женщиной, прежде чем я уйду!

– Уйдешь куда?

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я.

– Ты говоришь о смерти? Послушай, папа, но ты же в хорошей форме!

– *В хорошей форме?* Поверь, я бы с удовольствием поменялся с тобой местами.

И будь это в его власти, он поменялся бы без всяких угрызений совести. Маэ положила в сковородку ломтики яблок и ложку сметаны. Она до сих пор не рассказывала ему о своих романах и не познакомила ни с одним из тех парней, с которыми раньше встречалась. Ей не нужны были его непрошенные комментарии – одобрение или, наоборот, осуждение; ей уже не пятнадцать лет. Впрочем, даже тогда она не позволяла ему вмешиваться в свой выбор друзей. Ивона он принял с большим энтузиазмом – без сомнения, потому что мечтал о зяте-рыбаке, которого он сможет учить в свое удовольствие до самой пенсии. Такой зять, конечно же, смотрел бы на жизнь глазами патрона, – а это, по мнению Эрвана, залог успешного семейного будущего!

Маэ машинально подлила сидра и оставила соус загустевать на маленьком огне. Мысли об Ивоне напомнили ей о Розенн. Случайно ли та оказалась в Эрки? Очевидно, что нет. У этой женщины должна была быть веская причина, чтобы приехать сюда с маленьким ребенком, и Маэ очень надеялась, что это никак не связано с ней. Обернувшись, она посмотрела на отца, который даже не дал себе труда поставить тарелки и теперь ждал, упершись локтями в стол.

– Сейчас пожарю гребешки, и через три минуты будем есть, – сообщила она, не сходя с места.

Они обменялись взглядами, и Эрван встал, чтобы принести тарелки. Их повседневная жизнь состояла из таких маленьких столкновений; они вели себя, как надоевшие друг другу престарелые супруги, и Маэ все труднее было это выносить.

* * *

Розенн сняла комнату в скромной гостинице «У Жанны». Шаг, который она собиралась предпринять, смущал ее и унижал, но она не видела другого решения. Ее денежные проблемы стали слишком серьезными, она должна была сделать хоть что-то, хотя бы ради собственного сына.

Выйдя из душа, Розенн увидела, что Артур лежит на кровати, заложив руки за голову, и смотрит телевизор. Он уже сильно походил на отца. При взгляде на него сразу вспоминался Ивон. Для десяти лет он был маленьким и худеньким, но отличался невероятной жизнерадост-

ностью. Розенн хотелось бы создать ему лучшие условия для жизни: уютную домашнюю обстановку, игрушки и путешествия, а вместо этого она таскала его с собой повсюду, следствием чего были постоянные смены школ, обшарпанные съемные комнаты и его вечное одиночество. Ей не удалось ни изменить свою жизнь, ни хотя бы сделать ее стабильной. Работая месяц в одном месте, два – в другом, она временно устраивалась то кассиршей, то продавщицей, а потом снова увольнялась, чтобы попытаться счастья в другом месте. Розенн так и не оправилась от своей влюбленности в Ивона и не могла его забыть, несмотря на все измены. Она познакомилась с ним, когда была еще совсем юной, и несколько месяцев они любили друг друга без памяти. Их страстный, но слишком бурный роман в течение двух лет сопровождали споры, бессонные ночи, разрывы и примирения. Розенн оказалась крайне, болезненно ревнивой, она шпионила за ним и устраивала скандалы. Ивону это надоело, он хотел расстаться. Хуже того, он влюбился в другую – дочь своего патрона, в эту Маэ, маленькую воображалу с мальчишескими манерами. Розенн пустила в ход все, чтобы вернуть Ивона: донимала своей любовью, угрожала самоубийством и выслеживала повсюду. Иногда он уступал, особенно когда возвращался из рейса и хотел секса. Розенн не заблуждалась на этот счет, но пользовалась каждой возможностью, чтобы вновь завоевать его. Маэ стала для нее проклятием; она ненавидела ее, даже не будучи с ней знакомой, лишь увидев издали пару раз в порту и на палубе корабля.

К тому времени Розенн уже давно уехала от родителей, живущих в Перрос-Гиррек. Они держали небольшой бар, который постепенно становился убыточным. Устав от выходов своей дочери, которая была взбалмошна и не хотела учиться, они не попытались удержать ее, когда она бросила родительский дом, хлопнув дверью. Розенн хотела посмотреть мир, но пришлось удовольствоваться передвижением по побережью. Не имея ни школьного аттестата, ни какого-нибудь профессионального образования, она, тем не менее, считала себя достаточно красивой, чтобы быстро найти мужчину, который возьмет на себя заботу о ней. И действительно, некоторое время она прожила с дальнобойщиком, который был славным парнем, не требовал от нее многого и даже подыскал ей место администратора на станции техобслуживания. Но ей хотелось бурной жизни; он скучала среди подержанных машин и предпочла стать официанткой в ресторане на побережье в Валь-Андре. Там-то она и встретила Ивона и влюбилась в него до безумия, убежденная, что наконец-то встретила мужчину своей жизни. Когда спустя два года он охладил к ней, она от отчаяния перестала принимать противозачаточные таблетки. Беременность казалась ей последним шансом удержать его, она надеялась, что это все исправит. Увы, было слишком поздно, даже рождение сына его не смягчило. Но смириться она не могла и умоляла его хотя бы признать свое отцовство. Он неохотно согласился. И все-таки ребенок их сблизил. Стоя у колыбели в роддоме, Ивон не мог скрыть волнения и гордости, и у Розенн снова вспыхнула надежда. Разочарование было жестоким, когда она поняла, что любимый все равно к ней не вернется. Он принял отцовство из чувства долга или потому, что не умел отказать, однако по-прежнему был без ума от Маэ и представлял свое будущее только с ней. Потеряв голову от горя, Розенн смогла в конце концов вытянуть из него обещание материальной помощи – не ей, а ребенку. Ивон был не богат, живя только на зарплату рыбака и не имея никаких дополнительных доходов, но регулярно давал Розенн небольшую сумму. Однажды он объявил ей, что собирается жениться на Маэ и уже назначен день свадьбы. Он хотел, чтобы Розенн уехала в другой город, больше всего опасаясь реакции Маэ, если она когда-нибудь узнает, что у него уже есть ребенок. Разумеется, он это скрывал от нее, что оскорбляло Розенн до глубины души. Значит, он больше с ней вообще не считается? А их ребенок, очаровательный малыш Артур, теперь должен расти изгоем? А ведь он не был каким-нибудь бастардом и носил фамилию своего отца, или Ивон забыл об этом? Розенн то угрозами, то лаской добилась, наконец, обещания, что Ивон будет помогать малышу и время от времени приезжать к ним. Деньги были не самое главное, она хотела, чтобы он не смог забыть ее. Увы, Розенн не осознавала, как глупа и непоследовательна ее тактика. Вместо того чтобы отказаться от мужчины, который ее

больше не любил, она продолжала липнуть к нему, и даже если у Ивона иногда против воли просыпалось желание, когда она вешалась ему на шею, он ловил себя на том, что ненавидит ее за цепь, на которую она его посадила.

Через приятеля-рыбака он нашел для нее место официантки в Гангаме, в отеле-ресторане, который работал круглый год. Зарплата здесь была больше, чем в округе, да еще предоставлялась небольшая комната. Таким образом, она смогла уехать из Валь-Андре без особых затруднений и была довольна, что ей не пришлось далеко переезжать. И в этом приятном заведении она случайно узнала о смерти Ивона из газеты, оставленной клиентом на столе. Ничего не соображая, она десять раз перечитала заметку. А потом поднялась в свою комнату и заперлась там. Она долго лежала обессиленная на кровати, свернувшись в комочек, как маленький зверек, пока хозяин отеля не пришел за ней. Некоторое время она еще работала в каком-то оцепенении, но вскоре уволилась. Сын, которого она поручила заботам одной пожилой дамы, томился без нее и скучал, но она не чувствовала в себе сил им заниматься. Проходили дни, и ее горе постепенно превращалось в гнев против Маэ. Когда она узнала, что панихида будет проходить в Эрки, она решила приехать на нее вместе с сыном и выложить всю правду в лицо женщине, которую она ненавидела.

– Что ты смотришь, Артур?

Ружейная пальба на экране вывела ее, наконец, из задумчивости.

– Ну это, как его... – пробормотал мальчик.

Слишком часто предоставленный сам себе, он плохо говорил и был немногословен.

– Какие-то ужасы, – сказала она без особой убежденности.

– Нет, это здорово!

Вздохнув, Розенн отвернулась. Она любила своего мальчика, хотя и не знала, как себя вести с ним. И, поскольку она его любила, ей нужны были деньги, чтобы дать ему приличное воспитание. Она могла бы попросить помощи у родителей Ивона, но его отец умер два года назад, а мать с трудом существовала на скудную пенсию. К тому же эти люди когда-то были в восторге от помолвки Ивона с Маэ Ландрие, и Розенн больше не хотела иметь с ними дело. Как-то, спустя несколько месяцев после трагедии, она привезла им показать внука, но они выслушали ее историю с таким недоверием, как будто она все это придумала. Даже при виде свидетельства о рождении, которое она сунула им прямо под нос, они скептически качали головами и хмурились. Испив полную чашу унижения и разочарования, она уехала и поклялась больше никогда не возвращаться. Что касается ее собственных родителей, об этом лучше было вообще не думать, поскольку уже лет десять она не давала о себе знать. Оставался только один человек, к которому она могла обратиться, – та самая Маэ. Если эта женщина действительно любила Ивона, может, она не останется равнодушной к судьбе его сына? Раз она не успела выйти замуж и родить с ним детей, то наверняка будет взволнована сходством Артура с отцом. Розенн знала, где живет Маэ, но не находила в себе смелости пойти к ней. От мысли, что придется просить милостыню у злейшего врага, она заболела и ее накрывала волна гнева, но выбора не было. Ее банковскую карту заблокировали, чековую книжку тоже, последние сбережения растаяли. После того, как она заплатит за комнату и сводит Артура в блинную, ее кошелек окончательно опустеет.

Она взяла брошенный на подушку пульт и выключила телевизор.

– Ну, мама! – сердито запротестовал Артур.

– Вставай, пойдем погуляем в порту.

– И будем есть мороженое?

– Нет, я придумала кое-что получше.

– «Макдак»?

– Нет.

– Тогда я не хочу.

Он потянулся к пульта, но она высоко подняла руку.

– Мне надо кое с кем встретиться. С одной дамой.

– Какой?

– Ты ее не знаешь.

– Она добрая?

– Посмотрим.

– А можно я останусь здесь? Обещаю никуда не уходить...

– Конечно, нет.

Она весело протянула ему курточку:

– Одевайся, дорогой, а потом пойдем есть блины!

Понимая, что она собирается использовать его для торга, Розенн почувствовала смутную вину, но тут же отогнала от себя эту неприятную мысль. Как это ни было парадоксально, она использовала Артура для его же блага. Взъерошив сыну волосы, она чмокнула его в шею и взяла дорожную сумку.

* * *

Алан перенес всех пациентов на утро, решив во второй половине дня устроить себе отдых. Теперь, когда стало рано темнеть, ему хотелось воспользоваться последними светлыми вечерами. Перед отъездом из Ламбаля он заехал за покупками, и, вернувшись домой, пошел седлать свою кобылу. Прогулка в лесу с Пат – именно то, что ему было нужно. Среди дубов, буков и каштанов, которые почти не тронула желтизна, он выехал на тропу, с которой начинался его любимый маршрут. От Сент-Обена до Сен-Симфориана он изучил каждую тропинку, знал, в каких местах рельеф позволит ему пуститься галопом, а где перейти на шаг, чтобы понаблюдать за дикими животными. Они часто подпускали его к себе совсем близко, учуяв запах не человека, а лошади. Когда Алан был студентом, ему бы и в голову не могло прийти, что он может испытывать такую безмятежность, такое наслаждение от простого созерцания природы. В то время верховая езда была для него соревновательным видом спорта; участвуя в университетских и региональных состязаниях, он обращал внимание только на препятствия впереди, а не на пейзажи, которые их окружали. Двадцать лет спустя он научился никуда не торопиться.

Горести и разочарования, постепенно изменив его восприятие вещей, изменили и его характер. Он научился беречь себя, не бросаться в омут очертя голову. Отныне он наслаждался каждой приятной минутой, осознавая ее быстротечность, и больше не полагался на других в надежде, что они наполнят его жизнь. Избавившись от Мелани и ее безумных амбиций, он больше не имел ни малейшего желания богатеть. Но как ограничить поток пациентов? Благодаря его репутации их становилось все больше; многие приезжали издалека, и он был вынужден попросить Кристину вежливо отказывать некоторым из них.

«Работа меня интересует постольку, поскольку я могу делать ее без спешки. Не устраивайте мне конвейер из пациентов, иначе мы будем каждый день заканчивать за полночь!» – часто повторял он ей. Кристина закатывала глаза, но меняла график приема.

Он отвел в сторону ветку, выехал из густого подлеска и пустил кобылу вскачь по самой просторной тропе. До заката еще было время, несмотря на царящие в лесу сумерки. Алан знал, что Патурсес несет его галопом по легендарной земле. Все леса Бретани, даже такой малоизвестный, как Пемпон, ошибочно называемый Броселианд, были полны укромных лощин, потаенных прудов и служили обиталищем лесных духов. Достаточно было наткнуться на крошечную полянку, освещенную тонким, как лезвие шпаги, солнечным лучом, пробивающим кроны деревьев, чтобы поверить в волшебство. В детстве Алан всегда засыпал под сказки, которые рассказывала ему своим мелодичным голосом мать. Его брат, который был на четыре года

старше, подсмеивался над всеми этими историями о друидах и феях, но Алану никогда не надоедало их слушать.

Он пришпорил Пат, чтобы перескочить через канаву в конце дороги, а потом бросил поводья и пустил кобылу шагом. Порой он скучал по брату, хотя они и общались по скайпу. Людовик жил и работал в Нью-Йорке. После смерти отца мать переехала к нему, и, похоже, ей там очень нравилось, тогда как Алан не представлял себе жизнь в чужих краях.

Он выехал на опушку и решил спуститься до самого Сент-Эспри-де-Буа. Кобыла слушалась его беспрекословно, прогулки с ней были одно удовольствие. Он нежно пропустил сквозь пальцы ее гриву и дружески похлопал. Пока его будут наполнять радостью подобные минуты, он будет считать себя счастливым и не станет оглядываться назад. Жизнь достаточно его потрепала, но он нашел лучший выход, сознательно выбрав одиночество.

* * *

Увидев у ворот Розенн, Маэ оцепенела. Но все-таки постаралась взять себя в руки и приняла ее. Но чтобы избежать вмешательства отца, она отвела молодую женщину в свой офис, а мальчику предложила поиграть в саду. Прежде чем он начал протестовать, мать велела ему замолчать, и он устроился у невысокого заборчика, чтобы смотреть на улицу и на прохожих.

– Вы можете присматривать за ним из окна. Думаю, вы хотите поговорить со мной... наедине?

Указав ей на деревянные кресла, в которые каждый вечер усаживались ее капитаны, Маэ обошла большой стол и села напротив Розенн.

Они обменялись долгими настороженными взглядами, прежде чем непрощенная гостья решилась начать:

– Вы, наверное, удивлены?

– Естественно.

– Я пришла не по своему желанию.

Маэ с недоверием ждала, когда Розенн объяснит свое вторжение. У нее должна была быть веская причина.

– С тех пор, как Ивон утонул, я несколько лет вкалывала без продыху, – начала она.

Слово «утонул» резануло Маэ. Она бы сказала «погиб», как говорили все моряки, кроме нее – сама она никогда не упоминала об этом.

– С ребенком на руках трудно найти работу и жилье, – продолжала Розенн. – Будь я одна, я бы справилась, я всегда умела выпутываться, с тех пор как сбежала от родителей, но с Артуром все гораздо сложнее. Чтобы устроиться на работу, я должна оставлять его у кого-то под присмотром, а это съедает мою зарплату.

– Разве он не ходит в школу? – спросила Маэ. Она не хотела, чтобы Розенн вываливала ей свои несчастья, и не понимала, почему эта женщина явилась к ней.

– Ходит, конечно, но я работаю официанткой, и мой график не совпадает с его занятиями!

Розенн замолчала и осмотрелась, задержав взгляд на фотографиях кораблей.

– Вы по-прежнему зарабатываете этим? – спросила она, указывая на фотографии. – Мне бы стало тошно. Но, конечно, рыбалка приносит доход, вон как у вас красиво...

Маэ предпочла не поддерживать этот разговор; она уже догадывалась, что привело Розенн в Эрки.

– Ивон очень гордился тем, что у него есть сын – кажется, я вам это уже говорила тогда, у церкви.

– Да, говорили.

– Его прямо распирало от гордости, когда он вышел из роддома, – все это заметили. Сын для мужчины значит очень много.

– Думаю, как и дочь, – с иронией откликнулась Маэ, не удержавшись.

– Нет, малыш оказался вылитой копией Ивона, и он был чертовски тронут. Он сразу поклялся, что будет заботиться о нем, мне даже не пришлось просить. И он сдержал слово – каждый месяц давал мне деньги на ребенка. Он всегда интересовался, как там его сын, приезжал к нам, давал чек или наличные. Я знаю, что он не посмел рассказать вам о нем, и это мне понятно! Жениться на дочери своего патрона и когда-нибудь стать хозяином рыболовного бизнеса... было от чего потерять голову, он не хотел от такого отказываться. Но все-таки Артур много значил для него – Ивон, между прочим, его признал, дал свою фамилию и хотел, чтобы у сына было хорошее образование и обеспеченная жизнь. Он был на все готов для него. И если бы не упал с этого чертова корабля, то сдержал бы обещание, и я бы не пришла к вам.

Маэ хранила молчание и с любопытством ждала, до чего эта женщина осмелится дойти в своих притязаниях. Она поняла, что та пришла за деньгами, и это возмутило ее до глубины души. Ивон солгал ей, предал ее, бессовестно вел двойную жизнь, но она совершенно не собиралась теперь нести за нее ответственность.

– Поверьте мне, матери-одиночке трудно воспитывать ребенка. Во всяком случае, у меня не получается.

Розенн подалась вперед, поставила локти на стол и обхватила голову руками. Подождав несколько секунд, Маэ спросила:

– Чего вы от меня хотите?

– Немного понимания. Мы делили одного мужчину. Я это знала, вы – нет, но что это меняет теперь, когда он умер? Мы обе его любили. Если вы решили прожить с ним свою жизнь, значит, у вас было сильное чувство. Его больше нет, согласна, но есть его сын, его вылитая копия! Вы же не можете остаться к нему равнодушной, правда? У этого ребенка ничего нет. Хорошо, если будет чем накормить его в ближайшие дни. А у вас, судя по тому, что я вижу, есть все...

Так как Розенн продолжала пристально смотреть на нее, нимало не заботясь о том, что делает ее сын на улице, Маэ сама выглянула в окно – убедиться, что мальчик по-прежнему в саду. Он все так же смирно сидел у ограды, и у нее сжалось сердце.

– Полагаю, вы получаете помощь как одинокая мать, – с усилием произнесла она. – И, наверное, пособие по безработице?

– Ой, заниматься бумажной волокитой ради этих грошей! Послушайте, вы мне отвечаете, как какая-нибудь чиновница! Я не этого ждала от вас.

– А чего вы ждали?

– Ресторан, в котором я работаю, скоро закроется на всю зиму, – вздохнула Розенн, откинувшись на спинку кресла. – И я в безвыходном положении. Думаете, мне было легко прийти сюда? Знали бы вы, через что я прошла! Мне даже нотариус звонил, потому что единственный наследник Ивона – Артур. Правда, там и наследства-то никакого особенного нет, и я не имею на него права, потому что все получит сын, когда станет совершеннолетним. Только никто не интересуется, как ему дожить до этого совершеннолетия!

Она порылась в сумке, вытащила бумажник и театральным жестом вывернула его:

– Смотрите, он пустой!

Помолчав, Маэ сдержанно ответила:

– Что именно вы хотите? Чтобы я вам помогла? Ивон не был честен со мной. Он признал своего сына, хорошо, но скрыл его от меня, как что-то постыдное, а это отвратительно. В любом случае, это ваша история, а не моя. Я не вдова Ивона и не мать его ребенка. Я страстно любила его, это правда, а он обманывал меня. Что бы он сказал, если бы я забеременела? Что он счастлив до безумия, впервые став отцом? Я предпочитаю не думать о том, каким был бы

наш брак при таких условиях. Сказав мне правду, вы в каком-то смысле оказали мне услугу – мое горе утихло, я смогла перевернуть страницу...

– А я нет! – перебила ее Розенн. – Я тащу на себе Артура, который не дает мне двигаться вперед! Послушайте, вы должны выручить меня. Одолжите мне немного денег, я все верну, клянусь.

На лице Маэ мелькнула горькая улыбка.

– Пожалуйста, только не надо клясть.

С каждой минутой она чувствовала себя все более неловко, не находя в себе смелости принять решение. Она снова бросила взгляд в окно и вздрогнула. Мальчик, по-видимому, отчаянно скучая, подошел к дому и теперь стоял, прижавшись лицом к оконному стеклу. Его сходство с Ивоном отозвалось в ней болью. Она отвернулась и стала мысленно прикидывать, что останется у нее на счете после того, как она заплатит стоматологу. Свободных денег у нее было немного, и она не собиралась разорять кассу своей кампании, за которой сама же строго и неукоснительно следила.

– Я могу дать вам тысячу евро, – решила наконец Маэ.

– Всего-то? – вскрикнула Розенн. – Но это ничего не решит, я задолжала куче народу!

– Это ваша проблема.

– Вы богаты, но вам плевать на меня!

– Слушайте, – возмутилась Маэ, – какое право вы вообще имеете требовать?

Ситуация становилась нелепой. Она вынула из ящика стола чековую книжку, спеша поскорее закончить этот разговор.

– А если я оставлю вам ребенка?

– Что?

Рука Маэ повисла в воздухе, и она с изумлением взглянула на Розенн.

– Вы сумасшедшая...

Бедный мальчик не заслуживал таких слов из уст матери, и Маэ почувствовала к нему острую жалость.

– Вам бы я могла его доверить, – оправдывалась Розенн. – Всего на несколько дней, пока не найду работу получше, чтобы держаться на плаву. Здесь ему будет хорошо.

– Я же для него совсем чужой человек! О чем вы только думаете? Ладно, покончим с этим, я дам вам чек на тысячу пятисот евро. Что бы вы там ни думали, я не могу дать больше. Если у вас есть совесть, когда-нибудь вернете мне их. Но больше не приходите ко мне за деньгами, у меня нет ни малейшей причины вам помогать, вы мне не подруга, и я не имею никакого отношения к вашему с Ивоном прошлому. Это понятно?

Розенн взяла чек и, угрюмо посмотрев на него, сунула в бумажник. Маэ перевела взгляд на окно. Артур исчез. Маэ встала, торопливо подошла к двери и, распахнув ее, оглядела садик. Сидя на невысокой ограде, ее отец разговаривал с мальчиком.

– А теперь уходите, – сказала она тихо.

Эта сцена сильно взволновала ее, разбудив болезненные воспоминания. Подойдя к мальчику, она заставила себя улыбнуться.

– До свиданья, Артур!

Открыв калитку и выпустив Розенн с сыном, она повернулась к отцу, который с любопытством смотрел им вслед.

– Кто это? – спросил он наконец.

Она ни секунды не думала, что скажет ему правду, и поэтому равнодушно пожала плечами:

– Так, не очень близкая знакомая.

– Красивая женщина, и мальчуган очень славный...

Глаза Эрвана блестели странным блеском. О чем он сейчас думал? Маэ обогнула дом и вошла в его жилую часть. Она не сомневалась, что больше не увидит свои тысячу пятьсот евро, и спрашивала себя, почему так легко отдала их. Розенн действительно была красивой цветущей женщиной и, по всей видимости, справилась бы и с поиском работы, и с воспитанием сына. Действительно ли она была такой безответственной, как показалось Маэ, или просто ломала комедию, чтобы получить деньги, не особенно себя утруждая? Как могло прийти в голову этой женщине просить у нее денег? Она что же, воображала, что для Маэ память об Ивоне священна? Какая, к дьяволу, священная память? Он был лжецом и трусом!

– Ты что-то очень нервная, – пробормотал Эрван, идя за ней следом.

Маэ схватила кастрюлю и с размаху поставила ее на плиту. Она устала жить с отцом, устала ему готовить, устала от его ревнивого выслеживания. Обернувшись, она холодно посмотрела на него. Сгорбленный, с палкой в руке, Эрван выглядел беспомощным стариком. Он много испытал в своей жизни и показал себя мужественным и упорным бойцом. И только инсульт свалил его, сделав зависимым от других. В данном случае – от дочери, которую он вырастил сам и которая и была его семьей. Смягчившись, Маэ улыбнулась ему.

– Скоро будем есть, – сказала она ласково.

Но визит Розенн лишил ее аппетита, а личико Артура теперь долго не изгладится из ее памяти.

3

В начале ноября резко похолодало. На побережье и в окрестностях свирепствовал ледяной ветер, от чего холод становился невыносимым.

Рано темнело, и люди спешили домой, подняв воротники и вжав головы в плечи. В этот вечер, около семи часов, Алан попрощался со своим последним пациентом. Из-за отсутствия Кристины, прикованной к постели бронхитом, весь его привычный порядок нарушился, и рабочий день закончился позже обычного. Он открыл дверь приемной, чтобы выключить свет, и застыл, увидев Маэ, сидящую в кресле с журналом в руках.

– Но что вы здесь... Ой, простите ради бога, я совсем забыл о вас! Моей ассистентки сегодня нет, а я не привык работать один, у меня все валится из рук.

Расстроенный, он впустил ее в кабинет и, заглянув в свой ежедневник, тяжело вздохнул.

– Действительно, вы записаны на восемнадцать часов.

– Да, и торчу здесь уже час, – хмуро ответила Маэ.

Алан сложил разбросанные инструменты на эмалированный лоток и взял новые из стерилизатора.

– Садитесь, пожалуйста. Я только сделаю снимок, это недолго. У нас с вами сегодня последняя встреча, и я обещаю, что вы уйдете через десять минут. Вообще-то, я не люблю заставлять людей ждать... Вы спешили куда-то?

– Не то чтобы очень, но мне надо убедиться, что после шторма все мои траулеры вернулись в порт.

– Ваши траулеры?

– У меня небольшая рыболовная компания.

Он посмотрел ей в глаза – неужели она не шутит?

– Потрясающе! – вырвалось у него. – Мне и в голову не могло прийти, что вы занимаетесь таким бизнесом, внешность и правда обманчива...

Сделав снимок, он взглянул на экран и объявил, что все превосходно.

– Вы привыкли к коронке? – поинтересовался он.

– Сначала казалось, что у меня камень во рту, но это быстро прошло.

– Думаю, этот зуб больше не будет вас беспокоить.

– Спасибо. Значит, мне больше не нужно приходить?

– Нет, мы закончили. Заглядывайте раз в год для профилактического осмотра, даже если не будет жалоб. Предупредить дешевле, чем лечить.

Алан снял перчатки, маску, халат и, оставшись в водолажке и джинсах, показался Маэ гораздо привлекательнее, чем в докторском балахоне. Маэ достала из сумки чековую книжку и взяла со стола ручку.

– Только не этой! – запротестовал он, неожиданно схватив ее за пальцы. – Она очень плохо пишет, возьмите лучше «БИК». Маэ с любопытством взглянула на него и начала заполнять чек.

– Я отвезу вас домой, мадемуазель Ландрие. Нет, правда, я уже закрываю кабинет и сам уезжаю, на сегодня хватит.

Она прекрасно понимала его желание поскорее уехать и невольно улыбнулась; ему показалось – очень сердечно.

– Хотите, обмоем ее? – спросил он весело.

– Кого – ее?

– Коронку!

Маэ посмотрела на него вопросительно, и Алану пришлось уточнить:

– Сейчас холодно, дождь, и заканчивать так рабочую неделю довольно грустно, вам не кажется? Приглашаю вас на коктейль в «Ля Бель Эпок»⁴ – это симпатичный бар в двух кварталах отсюда. Согласны?

Это предложение оказалось неожиданным для него самого. Было ли тому виной отсутствие Кристины, ненастье или очарование молодой женщины, заставившее его изменить железному правилу: никакого сближения с пациентами?

– Вы можете отказаться, – добавил он. – Я не обижусь. Мое предложение, может быть, не совсем уместно, я это понимаю, но совершенно бескорыстно.

Запирая дверь, он услышал за спиной смех.

– Вам нужна компания, доктор?

– Сейчас – да. Но вообще со мной такое редко бывает. Я нелюдим.

– Согласна на коктейль, – просто сказала Маэ.

Ни у одного из них не оказалось зонта, и ледяная изморось сопровождала их до самой улицы Буэн. Сев за столик, Маэ заказала пиво, благо меню предлагало богатый выбор, а Алан – виски. Она провела рукой по своим намокшим волосам, откинула челку со лба.

– Отвратительная погода, – вздохнула Маэ. – Откуда вы родом? Кергелен – ведь это бретонская фамилия.

– Из Канкаля. Но я долго жил в Ренне и Сен-Брие.

– Можно сказать, что никуда и не уезжали! – рассмеялась она.

– А вы?

– То же самое. Дальше Эрки – ни ногой! После сдачи экзамена на бакалавра отец оплатил мне тур по всей Франции, и я несколько месяцев путешествовала. Я видела потрясающие места, но если рядом нет моря, я начинаю тосковать, оно мне просто необходимо.

– Ваша рыболовная компания – это семейное дело?

– Да, вот уже несколько поколений. Я взялась управлять ею, когда моего отца разбил инсульт.

– Он стал инвалидом?

– У него провалы в памяти, головокружения, нарушена координация движений... А его свинский характер остался при нем, так что он не во всем изменился!

Алан слушал ее с интересом, все время спрашивая себя, почему он позвал ее в бар. С целью завоевать в будущем? Она казалась ему чересчур молодой и не производила впечатления девушки, которую легко соблазнить, несмотря на непринужденность ее болтовни. Но она была не замужем, не похожа на других и невероятно обаятельна – может, ей нравились мимолетные приключения?

– Во всяком случае, он больше не мог управлять делом, тем более правила в рыбном промысле постоянно меняются, и надо уметь вовремя адаптироваться.

– Еще пива? – предложил он, указывая на ее пустой бокал.

– Пожалуй, последний, уже поздно.

– Вас кто-то ждет?

– Все в порядке, – ответила она уклончиво. – Я только пошлю эсэмэску.

Маэ взяла телефон и, быстро набрав сообщение, положила его на стол. Когда она снова подняла голову, он вдруг увидел, что она удивительно красива с ее сине-зелеными глазами и улыбкой, прячущейся в уголках губ.

– А работа зубного врача вам нравится?

– Стоматолога. Здесь есть разница, потому что я могу выполнять хирургические операции, устанавливать имплантаты... Мне хотелось бы работать в больнице, но Ренн слишком далеко от моря! И потом, я дорожу своей независимостью и хочу жить по своему расписанию.

---

⁴ «Ля Бель Эпок» – («Прекрасная Эпоха») – период последних десятилетий XIX века и до 1914 года.

Телефон Маэ завибрировал, и она опустила голову, читая ответ на свое сообщение.

– Все вернулись в порт, теперь я спокойна, – пояснила она. – Вы живете в Ламбале?

– Нет, в довольно глухом месте в нескольких километрах отсюда, на опушке леса. У меня чудесный старинный особняк, в который я влюбился с первого взгляда, несмотря на то что это еще и царство сквозняков.

– Вы женаты?

– Боже избави! Я не Синяя Борода, хотя у меня и было два брака, и оба плохо закончились. Думаю, этого опыта мне хватит на всю жизнь. А вы?

– Я не замужем.

– Поэтому вы решили составить мне компанию?

– Составить вам компанию? – переспросила она иронически. – А я думала, вы собираетесь за мной ухаживать.

– Я и собираюсь. Поедем ко мне ужинать?

– Разумеется, нет.

– Хорошо, тогда в следующий раз.

– Вы думаете, будет следующий раз?

– По крайней мере, я надеюсь.

Они вместе засмеялись и допили свои напитки.

– Спасибо, что согласились на мое приглашение, – сказал, вставая, Алан уже более серьезным тоном.

Проходя мимо стойки, он расплатился с барменом. Они уже выходили на улицу, когда столкнулись в дверях с высоким черноволосым парнем, которого держала под руку молодая девушка.

– Жан-Мари! – воскликнула Маэ.

Алан заметил, что парень растерялся, явно смущенный этой встречей. Маэ представила их друг другу, обменялась несколькими словами с пришедшими и пожелала им хорошего вечера.

– Я провожу вас, – предложил Алан.

– Не стоит, я...

– Мне все равно надо забрать машину, а вы, кажется, едете в том же направлении, что и я.

– А я-то вообразила, что вы стараетесь проявить галантность!

– Вы бы все равно отказались...

Снова рассмеявшись, Маэ подняла воротник: дождь моросил, не переставая.

– Жан-Мари – лучший из моих капитанов, великолепный моряк! Он работает у нас больше десяти лет, и я надеюсь, что он не откроет собственное дело, потому что я очень им дорожу.

– В ближайшее время вам это не грозит, потому что он влюблен в вас, – заметил Алан.

– Какая чепуха!

– Простите, но это бросается в глаза.

– Вы ошибаетесь.

Не настаивая, он потянул ее за руку, чтобы она не ступила в лужу. Поверила она ему или нет, не имело большого значения, однако во взгляде этого сурового красивого bruneta с сумрачным взглядом он ясно увидел обожание. Неужели женщины не замечают таких вещей?

Остановившись перед своим пикапом, Маэ с любопытством взглянула на кабриолет «Эос», припаркованный прямо перед ней.

– Красивый, правда? – спросил Алан, указывая на него.

– Это ваша? Какая приманка для девушек!

– Это всего лишь «Фольксваген». Вы равнодушны к красивым машинам?

– Вовсе нет. Посмотрите на мою. А внутри она еще хуже – насквозь пропахла рыбой.

Маэ с решительным видом протянула ему для прощания руку, явно торопясь уехать.

– Я не имею права использовать в личных целях номер телефона, который записан в вашей медицинской карте, это было бы неправильно. Но как мне пригласить вас в следующий раз? Ваши зубы вряд ли дадут повод снова ко мне обратиться...

– Мой номер можно найти в телефонном справочнике, даже в самом старом! – бросила она ему на прощание и улыбнулась.

Алан смотрел, как она уезжает, очень довольный проведенным вечером. Если немного повезет, Маэ будет следующей женщиной, которую он привезет в свой дом в пятницу вечером. Если она соответствует впечатлению, которое производила, это будет восхитительное мимолетное приключение – то, что он любил.

* * *

Жан-Мари отказался от вечера, который первоначально планировал. Управившись с коктейлем в «Бель Эпок» за десять минут, он вынужденно согласился повезти Эмилию ужинать в «Аббатство», как и было предусмотрено, но потом, сославшись на страшную усталость, отвез ее домой. Во время ужина он неотступно думал о Маэ и ее спутнике. Кто же был этот тип со слишком светлыми серыми глазами? Он был высок, строен, с пепельно-белокурыми волосами, лет сорока. Жан-Мари был уверен, что никогда не видел его раньше. А ведь он знал почти всех друзей Маэ – тех, с которыми она ходила в рестораны, когда уже не могла оставаться наедине с отцом. Иногда он тоже входил в эту компанию приятелей и в такие вечера обещал себе что-нибудь предпринять. Но, конечно, так и не осмеливался. Он смотрел, как Маэ флиртует с другими, внутренне кипя от ярости, но изо всех сил старался выглядеть безразличным. Он никогда не приводил девушек, всегда приходил один, чтобы дать себе шанс, и каждый раз уходил, разочаровавшись в себе самом. Неужели ему никогда не удастся преодолеть свою болезненную робость перед ней? С любой другой девушкой он чувствовал себя совершенно непринужденно, и это еще больше приводило его в отчаяние. Сегодня вечером, выходя из «Ля Бель Эпок», Маэ смотрела на Эмилию с любопытством. Завтра она спросит – кто эта красивая девушка и почему он ее прятал, почему сбежал из Эрки? Но что делала там сама Маэ? Был ли это ее любовник, которого она от всех скрывала? Ей тридцать лет, в конце концов, она захочет выйти замуж! Правда, ее спутник выглядел староватым для нее и между ними не чувствовалось особой близости, и это его немного утешало.

Жан-Мари лег спать с тяжелыми мыслями. Поставив будильник на шесть часов, он долго лежал в темноте без сна. Он впервые почувствовал страх и понял, что надо действовать безотлагательно. Встреча с Маэ, выходящей из бара с незнакомцем, потрясла его. Он не стал себе ни в чем клясться, но понял, что, наконец, сумеет преодолеть свою робость. На следующий день, в субботу, Маэ предложила собраться в портовой блинной и его тоже пригласила. Он подумал, что это его последний шанс и он обязательно им воспользуется.

* * *

Эрван недовольно смотрел на дочь. Маэ поставила на стол только один прибор, блюдо с холодным мясом, салат из зеленой фасоли, хлеб и фруктовый йогурт. Добавив к этому початую бутылку сидра, она повернулась к нему:

– Ну вот, у тебя есть все, что нужно!

– Есть в одиночестве не очень-то весело, – пробурчал он.

– Может быть, но вечером я ухожу. Прости, папа, но мне нужно иногда развеяться.

– Ну конечно... Надеюсь, ты там общаешься с парнями?

– И с ними тоже.

- Твоя подруга Армель тоже придет с вами веселиться?
- У нас с ней общая компания, папа.
- Что ж, развлекайтесь, – мрачно ответил он. – Но ты не должна приглашать эту девицу, когда ищешь свою половинку! Она слишком красивая и хочет всех очаровать.
- Армель – не «девица». Мы обе уже не дети. Кроме того, она настоящий друг.
- Если ты этому веришь, значит, ты очень наивная.
- Мы вместе учились еще в младших классах, я знаю ее лучше, чем ты, и не понимаю, почему ты ее так не любишь.

Отвернувшись, Маэ схватила свою меховую куртку и сумку.

– Вернешься поздно?

– Понятия не имею! Хорошего вечера, папа.

Прежде чем он успел что-то ответить, она хлопнула дверью. Почему он был неспособен порадоваться за нее? Каждый раз, уходя на встречу с друзьями, она чувствовала, что он оскорблен. Неужели ему хотелось, чтобы она всегда была дома, всегда при нем? Понятно, что он скучал, но это была не ее вина! Она знала, что когда бы ни вернулась, всегда найдет его спящим перед телевизором, но ее это больше не волновало. Если он отказывался ложиться спать, пока она не вернется, да на здоровье! По крайней мере, он избавил ее от своего привычного «Сдай меня в богадельню!». На самом деле, он не собирался уезжать из дома, пока дочь заботится о нем. Но сколько еще продлится это вынужденное сосуществование? Все чаще и чаще у Маэ возникало ощущение, что она задыхается от нехватки воздуха. Уже надо было идти, но ее все не отпускало раздражение и одновременно сострадание. Она снова напомнила себе, что отец вырастил ее один. Он сделал для нее все, что мог – учитывая его профессию и вдовство, которое он с таким трудом переносил. Увы, с возрастом Эрван становился все невыносимее, и когда ему придется умирать, он, конечно, не преминет напомнить ей, как бессердечна она была. Удастся ли ей смириться с ним в эту тяжелую минуту, выдержать его упреки и не считать себя виноватой?

Маэ присоединилась к своей маленькой компании в блинной «Старый порт», из которой открывался необыкновенный вид на залив. Новые владельцы прошли обучение в мастер-классе в Мор-де-Бретань и пекли восхитительные гречневые блины. Кроме того, пристроив к блинной крытую и отапливаемую террасу, они превратили ее в практически идеальное место. Ее уже ждали Армель с бокалом вина в руке, Жан-Мари и трое других ее приятелей. Все пятеро шумно обрадовались приходу Маэ, которая была душой компании.

– Хочешь кир⁵? – предложил ей Жан-Мари. Он приберег для нее место рядом с собой, но Маэ, не успев сесть, решила поменяться местом с Армель.

– Мне надо кое-что сказать Николя, – объяснила она, дружески похлопав Жан-Мари по плечу.

Она незаметно подмигнула подруге, и та улыбнулась в ответ. Может быть, их план срабатывает, во всяком случае, у Армель теперь есть шанс. Маэ подумала о девушке, которую видела в баре, но если Жан-Мари не привел ее сегодня с собой, значит, она для него ничего не знала. Иначе Армель только зря потеряла бы время; впрочем, ее всегда увлекал сам процесс обольщения.

Каждый раз, когда они собирались за дружеским ужином, их разговор быстро становился шумным, перемежаясь взрывами смеха. В такие моменты Маэ забывала об отце. И теперь она забыла о нем. О Розенн она тоже не вспоминала. Зато два-три раза подумала об Алане Кергелене, все еще удивленная тем, что так легко согласилась пойти с ним в бар. Он показался ей обворожительным, загадочным, очень непохожим на мужчин, которых она знала до сих пор. Если он позвонит, как обещал, она, конечно, примет его приглашение.

---

⁵ Кир – французский аперитив, представляет собой смесь белого сухого вина и черносмородинового ликера.

Сидящая напротив нее Армель изо всех сил пыталась очаровать Жана-Мари, но он, судя по всему, слушал ее без интереса.

– Вы, рыбаки, считаете, что яхтсмены в море всем мешают.

– Только не я, – вяло отозвался он. – Я люблю смотреть на парусники, и некоторые шкиперы – чертовски хорошие моряки. С другой стороны, встречаются такие сумасброды, которые норовят выйти в шторм, не умея управлять своей яхтой. Я не про вас, Армель.

– И на том спасибо! – ответила она, широко улыбнувшись. – Если хотите, я возьму вас с собой в ближайшие дни. Парус – это совсем не то, что ужасные дизельные моторы на ваших траулерах.

– А я обожаю шум моторов. На «Жабадао» это для меня как фоновая музыка.

– А я люблю шум ветра и шелест форштевня, рассекающего воду. И даже визг чаек.

– Море для вас – развлечение, а для меня – средство к существованию.

– Ну вот, и в этом рыбаки нас обошли!

Она разразилась смехом, откинув голову назад, безуспешно пытаясь добиться от него хотя бы улыбки.

– Что с вами, Жан-Мари? – наконец спросила Армель, накрыв ладонью его руку. – Мы же шутим, расслабьтесь немножко.

Он нехотя повернулся к ней, но мыслями, казалось, был в другом месте.

– Ну же, – настаивала она, – пообещайте, что придете ко мне на яхту, и я устрою вам незабываемую прогулку!

– У меня нет времени, Армель. На следующей неделе я буду выходить в ночную смену, это утомительно. Зато дает большое преимущество тем, кто может продавать по утрам только что выловленную рыбу.

– Вы, случайно, не из этих оголтелых собирателей моллюсков, которые утром, толкаясь, выходят в море шеренгой в шестьдесят лодок?

– Им дается всего сорок пять минут на ловлю гребешков, и только два раза в неделю...

– Я это знаю! Просто хотелось вас подразнить... Хотя сама я не ловлю рыбу, но законы знаю.

Он выдавил из себя вежливую улыбку, которую она приняла за знак поощрения.

– Я прошла обучение, чтобы выбрать страховую компанию для моей яхты, и получила два разрешения на рыбалку – прибрежную и в открытом море. Правда, это было необязательно, потому что у меня двигатель всего шесть лошадиных сил! Но я узнала много нового и считаю, что эти знания необходимы, если хочешь управлять парусником.

По другую сторону стола за ними с любопытством наблюдала Маэ, и Жан-Мари, перехватив ее взгляд, в смущении отодвинулся от Армель. Он чувствовал, что возможность поговорить с Маэ снова ускользает от него, но что тут поделаешь? Пусть Армель и была очень красивой молодой женщиной – она не привлекала его. Уж если на то пошло, он предпочел бы Эмилию – более скромную, более мягкую. И если Маэ его все-таки отвергнет, он будет менее несчастлив с милой девушкой, чем с шумной, напористой Армель.

– Как насчет того, чтобы пойти куда-нибудь выпить? – спросил он.

Его вопрос было встречен одобрительными возгласами, и, преодолев свою стеснительность, Жан-Мари предложил отправиться к нему. Он жил совсем рядом, на улице Фош, в небольшом холостяцком домике, за который только недавно выплатил кредит. Это было одноэтажное, скромно обставленное, в соответствии с его спартанским вкусом, жилище, и скрашивал его только садик с цветущими все лето гортензиями, за которыми он тщательно ухаживал.

В загроможденном коридоре над грудой сапог висели дождевики, бушлаты и картузы. Здесь царил беспорядок, неизбежный при профессии Жана-Мари, зато в гостиной все лежало строго на своих местах.

– Поможешь мне? – спросил он Маэ как бы невзначай и слегка потянул ее за руку.

На кухне он взял поднос, поставил на него бокалы и глубоко вздохнул.

– Ты сегодня потрясающе красивая! Ты...

– Это не мне надо говорить, – понизив голос, сказала она. – Ты разве не заметил, что Армель с тебя глаз не сводит?

Она слегка притянула его к себе и прошептала на ухо:

– По-моему, она только ждет твоего шага.

Ее рука у него на плече, дыхание у его шеи, аромат ее духов заставили его вздрогнуть.

– Она меня не интересуется, – с трудом выговорил он.

– Это из-за твоей девушки, Эмилии? Ты влюблен в нее?

– Нет. Девушка, в которую я влюблен, – это ты.

Ну вот, наконец он признался, и теперь от реакции Маэ зависело так много, что он даже не мог дышать. Увы, она оказалась не той, на которую он надеялся, потому что Маэ беззаботно рассмеялась.

– Жан-Мари!

Она шутливо ткнула его кулаком в бок.

– Ясно, дружище, не хочешь говорить о своей личной жизни, понимаю...

– Нет, нет, Маэ, я...

– Мне следовало помнить, что ты человек закрытый. Во всяком случае, теперь ты в курсе, и я, очень хорошо зная Армель, могу тебе сказать, что она – потрясающая женщина. Но если твое сердце уже занято – что ж, тем лучше для тебя.

– Ты не слушаешь меня, – прервал он ее, резко схватив за руку.

Она отпрянула и взглянула ему прямо в лицо:

– Что с тобой, Жан-Мари?

– Я пытаюсь сказать тебе о своих чувствах.

Он выпустил ее руку, чувствуя себя ужасно неловко, но отступить уже не мог.

– Я всегда питал к тебе слабость, – с трудом выговорил он.

– Ты ведь это не всерьез, да?

Недоумение на лице Маэ привело его в полное замешательство, а она продолжала так же безжалостно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.